

Министерство образования, науки, культуры и спорта Республики Армения
Армянская Ассоциация „Педагогическая инициатива”
Академия педагогических и социальных наук

ISSN 1829-4162

Русский язык В Армении

2020

1 (112)

Ռուսաց լեզուն
Հայաստանում

Ереван - 2020

Главный редактор – А.М. Амирханян
Ответственный секретарь – А.А. Мирзатунян
Ответственный за номер – И.Р. Саркисян

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:	РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Председатель общества „Армения – Россия”, д.ф.н., профессор М.Д. Амирханян	А.В. Акопян (ЕГУ) А.Ж. Арутюнян (ЕГУ) Л.Г. Баласанян (АГПУ им.Х.Абовяна) Г.Г. Барикян (Французский университет в РА) М.М. Геворкян (АГПУ им. Х.Абовяна) И.Б. Геворкян (ОШ № 131 им.П.Яворова)
Вице-президент АПСН С.К. Бондырева	С.И. Кормилов (МГУ имени М.В. Ломоносова)
Председатель Ассоциации „Педагогическая инициатива” А.С. Испириян	А.Б. Кузьминская (ЕГУ им. В.Я. Брюсова) М.Ч. Ларионова (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, РФ) В.В. Мадоян (НУАС Армении) Г.В. Маркосян („АЙБ” ОЦ) И.А. Орехова (Гос.ИРЯ им. А.С. Пушкина, РФ) И.В. Приорова (РосНОУ, РФ) С.Б. Самуэлян (ЕГУ им. В. Я. Брюсова) И.Р. Саркисян (ЕГУ им. В.Я. Брюсова) Е.Ю. Третьякова (Институт Наследия, РФ) А.Я. Хачикян (ЕГУ им. В. Я. Брюсова) К.И. Шарафадина (СПбГУТД, РФ) Э.Ф. Шафранская (МГПУ, РФ)
Ректор АГПУ им.Х.Абовяна, д.ист.н., профессор Р.К. Мирзаханян	
Академик АПСН М.А. Мкртчян	

Компьютерный набор, корректура, оформление и печать А.А. Мирзатунян, А.М. Айвазян

Վկայական` № 01Ա 044424, տրված 16.02. 1999 թ.:
 Տպարանակը` 1500: Ծավալը` 5 տպ. մամուլ:
 Հանձնված է տպագրության` 14.12. 2020 թ.
ՎԱՃԱՆՔԻ ԵՆԹԱԿԱ ՉԷ:

Свидетельство № 01 А 044424 выдано 16.02.1999 г.
 Ответственный за издание журнала **А.Амирханян**

Формат 70X100 1/16. Объем 80 стр. Тираж 1500
 Сдано в печать 14.12. 2020 г.

Общеобразовательным школам предоставляется бесплатно.

Խմբագրության ներկայացված նյութերը գրախոսվում են: Արտատպության դեպքում հղումն

ամսագրին պարտադիր է:

Դպրոցներին անվճար տրվում է մեկ օրինակ, որը պետք է պարտադիր գրանցվի դպրոցական գրադարաններում:

Лицензия № 904

Журнал «Русский язык в Армении» включён в Перечень принятых ВАК РА рецензируемых научных журналов, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

ЛИНГВИСТИКА

СУБСТАНТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ КАК СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЯДРО ПРЕДИКАТА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

А. С. АКОПЯН
АГПУ имени Х.Абовяна

Статья посвящена исследованию глагольно-именных конструкций, субстантивный компонент которых выполняет функцию семантического ядра предиката предложения.

Ключевые слова: *отглагольное существительное (девербатив), глагольно-именные конструкции, предикат предложения, семантическая мотивированность.*

Принципиальным для нашего исследования является утверждение о взаимодействии словообразования и синтаксиса, обнаруживающем себя в семантико-синтаксических корреляциях между производными словами и синтаксическими конструкциями – словосочетанием и предложением.

Формой проявления связи и, соответственно, взаимодействия словообразования и синтаксиса можно считать аналитические **глагольно-именные конструкции**, широко употребляющиеся в современном русском языке. Н-р: *одержать победу, иметь представление, принимать решение, делать замечание* и др.

Устойчивые словосочетания этого типа по характеру спаянности компонентов занимают промежуточное положение между свободными сочетаниями и фразеологическими единствами. С одной стороны, они состоят из слов, свободно употребляющихся в предложении, с другой – им свойственны все основные признаки несвободных словосочетаний: воспроизводимость в речи, устойчивость в составе и в структуре, целостность значения и т.п.

В лингвистической литературе нет единой точки зрения на этот тип несвободных сочетаний. Одни лингвисты выводят данные глагольно-именные словосочетания (в том числе перифразы) за пределы фразеологизмов, другие же ученые относят их к фразеологическим оборотам [4: 22].

Подавляющее большинство глагольно-именных словосочетаний состоит из двух знаменательных частей – глагола и существительного в предложной или беспредложной форме. Н-р: *вносить вклад, заслуживать наказания, ставить под вопрос, быть в заблуждении, ставить в затруднение* и т.д. Объектом нашего исследования станут устойчивые глагольно-именные словосочетания, состоящие преимущественно из глагола и отглагольного существительного.

Специфика указанных конструкций заключается в том, что содержащийся в них именной компонент, выраженный девербативом, вместе с функциональным глаголом образует синтаксически организованную единицу. Другими словами, только объединившись, эти два взаимообусловленных компонента могут выполнять в предложении функцию предиката. В этом случае происходит разрыв между семантической и синтаксической структурой предложения.

Будучи структурным ядром предложения, глагол выступает в качестве грамматически опорного слова глагольно-именных сочетаний и служит для выражения чисто грамматических значений. Он сохраняет свои морфологические свойства и присущие ему категории вида, наклонения, времени, лица. Ср.: *Как я счастлива, что **вступила** с ним **в сделку!*** (сов. вид, изъяв. накл., прош. время, жен. род, ед. ч.); *И если она останется обманутой, я **попаду в ужасное положение*** (сов. вид, изъяв. накл., будущ. время, I лицо, един. число)¹.

Однако смысл устойчивого сочетания в целом заключен в грамматически зависимом компоненте – отглагольном существительном, которое становится семантическим центром сочетания. С формально-синтаксической точки зрения девербативы обычно играют роль именных (непредикатных) компонентов предложения (дополнение, подлежащее), но с точки зрения семантической они представляют собой составную часть предиката. Глагол в личной форме в таких случаях почти полностью десемантизируется, превращаясь в своеобразную связку. Только в сочетании с отглагольным существительным глагол выступает в предложении в качестве сказуемого, которое определяется как простое глагольное сказуемое. Ср.:

1) *Она [улица] **носила название** (= называлась) Греческой, так как на ней помещалось несколько греческих лавок.* 2) *А я, как и всякий турист перед дальнейшим путешествием, **испытываю желание** (= желаю) закусь и выпить большую ледяную кружку пива.*

Глаголы в сочетании с существительными образуют описательные выражения со значением того или иного действия, процесса или состояния. В связи с этим В.М.Дерибас выделяет наиболее распространенные семантически обобщенные группы глагольно-именных сочетаний: 1) «делать то, что названо существительными» (*вынести решение, привести в действие, иметь беседу, иметь намерение*); 2) «подвергнуть действию, обозначенному существительным» (*наложить запрет, наложить арест, пустить в продажу, пустить в переработку*); 3) «подвергнуться действию, обозначенному существительным» (*нести наказание, нести расходы, носить название*); 4) «приводить в состояние в соответствии со значением существительного» (*повергнуть в уныние, повергнуть в панику, повергнуть в отчаяние*); 5) «приходить в состояние в соответствии со значением существ-

¹ В качестве основного иллюстративного материала мы использовали текст романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

вительного» (*впадать в заблуждение, впасть в отчаяние, впадать в искушение*); 6) «выводить из состояния, названного существительным» (*вывести из оцепенения, вывести из затруднения, выводить из терпения*); 7) «начать действие, выраженное существительным» (*вступить в переговоры, вступать в пререкания, вступать в схватку*) и др.²

Глагольно-именным словосочетаниям свойственны синонимичность, антонимичность, многозначность. Как правило, устойчивые сочетания могут быть равнозначны одному слову; они часто выступают синонимами к одиночным глаголам. Синонимичные глаголы бывают по преимуществу одного корня с именным (отглагольным) компонентом словосочетания. Ср.: *впасть в отчаяние* = *отчаяться*, *приходить на помощь* = *помогать*, *испытывать волнение* = *волноваться*, *приносить благодарность* = *благодарить*, *делать прогулку* = *гулять*. Большинство предложений русского языка изобилует указанными конструкциями:

1) *Когда стража вошла в пещеру, Левий **впал в отчаяние и злобу** / Но тот неизвестно отчего **впал в тоску и беспокойство**.* 2) *Чтобы избавить вас от этого томительного ожидания, мы решили **прийти** к вам **на помощь**.* 3) *Мессир передавал вам привет, а также велел сказать, что приглашает вас **сделать** с ним небольшую **прогулку**.*

Устойчивое сочетание и синонимичный ему глагол безусловно близки, но не всегда адекватны по значению. Ср.: *вести допрос* = *допросить/допрашивать*¹, но: *допрашивать*² (в значении «настойчиво расспрашивать о чем-либо»):

1) *Он [прокуратор] велел приготовить постель на балконе, там же, где обедал, а утром **вел допрос**.* 2) *В кухне она [старуха] сразу увидела сожженную свечу и начала **допрашивать** меня – что я делал [3: I, 431].*

Аналогичный случай наблюдается в примерах типа *объявлять приговор* = *приговорить/приговаривать*¹, но: *приговаривать*² (в значении «говорить что-либо, сопровождая этим какое-либо действие»):

1) *Левий был в толпе и слышал, как прокуратор **объявлял приговор**;* 2) *[Бабка] гладила девочку по голове и **приговаривала**, какая у нее пригожая Танюшка [3: III, 402].*

Глагольно-именные словосочетания, как и фразеологические обороты, образуют синонимические ряды, причем эту синонимичность при тождестве одного из компонентов может обеспечивать любой второй компонент – как отглагольное существительное, так и глагол. Ср.: *оказать помощь* – *оказывать поддержку* – *оказать содействие*, *преодолеть препятствия* – *преодолеть преграды*; но: *делать обыск* – *совершать обыск* – *производить обыск*. В смысловом отношении эти словосочетания можно считать взаимозаменяемыми, но в стилистическом плане их следует различать. Для этого типа сочетаний слов, образующих синонимические

² Использованные примеры заимствованы из словаря-справочника В.М. Дерибаса [2].

ряды, также характерно выделение доминанты как нейтрального стилистически немаркированного словосочетания. Ср.: *брать под арест* (нейтр.) – *налагать арест* – *подвергать аресту*, *вести беседу* (нейтр.) – *иметь беседу* – *проводить беседу*. Таким образом, глагольно-именные словосочетания отличает принадлежность их к разным стилям речи (нейтральный, научный, публицистический и др.).

Среди устойчивых словосочетаний можно выделить и сочетания, выражающие противоположную направленность действий, движений, свойств (своего рода векторную противоположность), причем и в этом случае «ответственными за антонимию» могут быть как глагол, так и существительное. Н-р: *одержать победу* – *потерпеть поражение*, *вводить в заблуждение* – *выводить из заблуждения*, *завоевать уважение* – *потерять уважение* и т.д.

В ряде случаев устойчивые сочетания могут быть связаны отношением смысловой мотивированности, то есть могут быть многозначными. Так, сочетание *принимать участие* имеет два значения: 1. (в чем) «участвовать»; 2. (в ком) «сочувствовать, заботиться».

В структурном отношении глагольно-именные словосочетания отличаются друг от друга предложными и беспредложными конструкциями. Как уже было отмечено, в парах «глагол + отглагольное существительное» грамматически зависимым является второй компонент сочетания, следовательно, глагол управляет теми или иными грамматическими формами девербатива. Для отглагольных существительных, употребляющихся в словосочетании без дополнительных элементов, то есть без предлога, характерна главным образом форма **вин. падежа**. Н/р: *выражать* (что?) *возмущение*, *приводить доказательство*, *совершать преступление*, *вызывать волнение*, *брать руководство*, *находить поддержку* и т.п. Употребительны также формы **род. падежа** (*заслуживать уважения*, *искать защиты*, *лишиться надежды*, *добиваться соглашения*), **дат. падежа** (*изменять убеждениям*, *служить интересам*, *подвергать обсуждению*, *подвергать испытанию*), **твор. падежа** (*заниматься рассуждениями*, *заниматься подготовкой*, *обмениваться приветствиями*).

Основанием для формального разграничения глагольно-именных конструкций является наличие/отсутствие строевого элемента – предлога. Категориальными свойствами главного слова (глагола) предопределено регулярное появление при нем грамматически зависимого девербатива в предложной форме. Устойчивые глагольно-именные конструкции, состоящие из глагола и существительного, выступающего в форме косвенных падежей с соответствующим предлогом, можно схематически представить так: «**глагол + предлог + существительное**». Перечислим следующие варианты функционирования падежей, требующих определенной предложной формы:

1) Род. падеж (из, до, с): *выводить из заблуждения*, *выводить из терпения*, *доводить до отчаяния*, *доводить до исступления*, *снимать с учета*;

2) Дат. падеж (к): *допускать к работе, прийти к заключению, придти к соглашению, призывать к повиновению, прибегнуть к содействию;*

3) Вин. падеж (в, на, за, под): *вступать в сделку, входить в положение, впадать в тоску, брать на заметку, брать на вооружение, голосовать за предложение, отвечать за поступки, брать под покровительство, ставить под сомнение;*

4) Твор. падеж (с, под, перед): *выступать с возражением, выступать с протестом, обращаться с призывом, обращаться с просьбой, держать под контролем, находиться под воздействием, стоять перед угрозой;*

5) Пред. падеж (в (во), на): *быть в недоумении, держать в подчинении, находиться в заключении, жить во вражде, отказать в просьбе, быть на службе.*

Чрезвычайно важным представляется вопрос о сочетаемости (валентности) устойчивых сочетаний с другими словами в контексте. Устойчивые глагольно-именные сочетания как целостные образования, всегда воспроизводимые в определенном составе, структуре и значении, выступают в предложении «управляющим элементом», то есть требуют при себе употребления того или иного падежа. Н-р: *вступать в пререкания* (с кем?), *дать обещание* (кому?), *обратить внимание* (на кого?) и т.д.

1) *Увидев во рту у Бегемота хвост третьей селедки, он вмиг оценил положение, все решительно понял и, не вступая ни в какие пререкания с нахалами, махнул вдаль рукой.* 2) *Несмотря на данное Азazelло обещание больше не лгать, администратор начал именно со лжи.* 3) *Он не слышал трубного рева в крепости, никакого внимания не обратил на конный римский патруль с факелом.*

При наличии у глагольно-именного сочетания синонимичного глагола различают два типа управления. Устойчивое сочетание и одиночный глагол имеют или одинаковое управление (*оказать влияние и влиять – на кого, вести борьбу и бороться – с кем, против кого, за что*) или разное (*проявлять интерес к чему и интересоваться чем, одержать победу над кем и победить кого*).

Примечательным свойством отмеченных конструкций является способность глагольных компонентов сочетания транспонироваться в другую часть речи, а именно - в класс отглагольных имен. Ср.: *выражать возмущение – выражение возмущения, выполнять решение – выполнение решения, выражать недоумение – выражение недоумения, снять показание и снятие показаний* и др. Ср. также синонимичность (или исключительную близость значений) полученных словосочетаний и входящих в их состав девербативов в случае субъектной совмещенности глагола и девербатива (*выражение восторга* $\cong$ *восторг*; *проявление интереса* $\cong$ *интерес* и т.п.), что впрочем неудивительно, если учесть, с одной стороны, семантическую «пустоту» глагола, с другой – девербативную природу сочетающегося с ним имени.

В русском языке широко используются преимущественно двухчленные (предложные и беспредложные) конструкции:

1) У стоящих внизу в молчании на лицах появилось **выражение** полного недоумения. 2) Было кое-что, что представлялось еще более необъяснимым, чем неизвестно зачем выдуманный клеветнический **рассказ о похождениях** в Пушкине. 3) После клиники и Кисловодска старенький-престаренький, с трясущейся головой, **финдиректор подал заявление об уходе** из Варьете.

Значительно менее частотны трехчленные конструкции (*Не было ли со стороны толпы попыток выражения возмущения?*), а тем более четырехчленные (*Колода эта таперича находится в седьмом ряду у гражданина Парчевского, как раз между трехрублевкой и повесткой о вызове в суд по делу об уплате алиментов гражданке Зельковой*). По-видимому, подобное «нанизывание» девербативов стилистически маркировано и обусловлено отнесенностью одного или даже всех сочетающихся компонентов к определенному функциональному стилю. Так, в последнем предложении указанные отглагольные существительные несомненно принадлежат к официально-деловому стилю речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // М.А. Булгаков. Собр. соч. В 5 т. Т. 5–М.: Художественная литература, 1989–1990. – С. 7–384.
2. Дерибас В.М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка (словарь-справочник). М.: Русский язык, 1975.
3. Словарь русского языка в 4-х томах. Изд. 3-е. М.: Русский язык, 1985.
4. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. Изд. 2, М., 1969.

ԲԱՅԱՆՎԱՆԱԿԱՆ ԿԱՌՈՒՑՎԱԾՔՆԵՐԻ ԳՈՅԱԿԱՆԱԿԱՆ ԲԱՂԱԴՐԻՉ
ՈՐՈՇԵՍ ՆԱԽԱԴԱՍՏՈՒԹՅԱՆ ՍՏՈՐՈԳԵԼԻԻ ԻՄԱՍՏԱԲԱՆԱԿԱՆ ՄԻՋՈՒԿ

Ա.Ս. ՀԱԿՈԲՅԱՆ

Խաչատուր Աբովյանի անվան ՀՊՄՀ

Տվյալ հոդվածը նվիրված է բայանվանական այն կառուցվածքների ուսումնասիրությանը, որոնց գոյականական բաղադրիչը կատարում է նախադասության ստորոգելիի իմաստաբանական միջուկի գործառույթ:

Բանալի բառեր՝ բայակերտ գոյական, բայանվանական կառուցվածքներ, նախադասության ստորոգելի, իմաստաբանական պատճառաբանվածություն:

**SUBSTANTIVE COMPONENT OF VERBAL-NOMINAL CONSTRUCTIONS AS
A SEMANTIC CORE OF A PREDICATE OF SENTENCE**

A. HAKOBYAN

ASPU after Khachatur Abovyan

This article is devoted to research of verbal-nominal constructions, a substantive component of which serves as a semantic core of a predicate of sentence.

Key words: verbal noun (deverbative), verbal-nominal constructions, predicate of sentence, semantic motivation

Информация о статье: статья поступила в редакцию 11 мая 2017 г., подписана к печати в № 1 (112) 2018 27.12.2018.

РЕАЛИЗАЦИЯ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ РЕЧИ МИТИГАТИВНЫХ ТАКТИК НЕКОТОРЫМИ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫМИ ЧАСТИЦАМИ

С.А. ТУНЯН

Российско-Армянский (Славянский) университет

Пропозициональная частица, воздействуя на такую когнитивную способность как внимание вносит значительный вклад в процессы обработки информации, позволяя адресату сосредоточиться на наиболее существенном фрагменте в потоке сообщения. Работа посвящена выявлению коммуникативных тактик смягчения в дипломатической речи с помощью некоторых пропозициональных частиц.

Ключевые слова: митигативные тактики, дипломатическая речь, пропозициональная частица.

В условиях развития глобализации одним из важнейших факторов успешного вливания в этот процесс является умение вести переговоры. Политические, дипломатические отношения напрямую зависят от такого умения. В связи с этим внимание многих исследователей заострилось на таком интересном с точки зрения лингвистики явлении, как дипломатическая речь. Антропоцентрическая парадигма современной лингвистической науки ставит в фокус научного интереса «человека говорящего» [8: 537], изучаются различные аспекты личности коммуникантов – структура языкового сознания, интенциональная и стратегическая составляющие речевого поведения.

Сейчас в лингвистике актуальны исследования коммуникативного смягчения в речи, что в западной лингвистике принято называть термином “митигация”.

Термин митигация впервые был введен в прагматику Фрейзером в 1980 году в контексте языковых приемов, направленных на минимизацию возможных нежелательных рисков в общении.

Митигация – коммуникативная категория, включающая в себя набор стратегий, служащих для оптимизации речевого контакта. Как и в ситуациях кооперативного общения, митигация предполагает соответствие речевых норм этическим нормам. Митигация предполагает уменьшение уязвимости в процессе коммуникации, интерактанты минимизируют нарушение территории партнера по коммуникации [3]. Митигация схожа в своем функционировании с категориями вежливости и толерантности. Считается, что с прагматической точки зрения митигация ориентируется на адресата сообщения. Получается, что речевая установка детерминирована не субъектом сообщения, а получателем. Однако, на наш взгляд, здесь усматривается противоречие между

прагматической и семантической составляющей митигативных функций языка. В процессе коммуникации говорящий всегда делает попытки реализации своих личных экспектаций и целей, используя ассертивы для внушения уверенности в искренности сказанного. Митигативные стратегии направлены на смягчение возможных коммуникативных рисков, с помощью которых говорящий старается защитить себя от различного рода интеракционных рисков [Там же].

Полной классификации митигативных тактик в лингвистике пока нет, у всех существующих классификаций наблюдается неполнота и половинчатость исследований в данной области.

Таким образом, исходя из того, что основными характеристиками категории коммуникативного смягчения являются, как указывалось выше, ориентация на кооперативное, бесконфликтное общение, в основе которого лежит создание необходимого баланса интересов, интенций, установок обоих коммуникантов, можно сформулировать следующие основные прескрипции для митигации: антиконфликтность, некатегоричность, неимпозитивность и глорификация или повышение коммуникативного имиджа интерактантов, эмоциональная сдержанность [6: 90-91].

Дипломатическая речь преследует те же цели, что и любой говорящий при использовании митигативных тактик. Однако дипломатическая речь более акцентирована и конкретна. Существует немало способов акцентирования и в то же время реализации интенции, экспектаций дипломатической речи, особенно если учесть, что дипломатическая речь в основе своей предполагает не одного конкретного адресата. С этой ролью отлично справляются пропозиционные или логико-модальные³ частицы *только*, *еще*, *уже* и др. «Эти частицы рематические, так как их появление в высказывании всегда сопряжено с введением новой, дополнительной информации. Они являются актуализаторами смысла предложения» [4: 76].

Рассмотрим реализацию митигативных тактик с использованием акцентирующих, уточняющих частиц на примере дипломатической речи без отрыва от контекста, так как семантические и прагматические функции логико-модальных частиц реализуются только в контексте (см. подробнее об интернет-источниках в конце статьи).

- Орывок из интервью посла России в Польше.

- *Я всё же уточню: ведь с польской стороны А.Мачеревич, который стал новым главой смоленской подкомиссии, утверждает, что всё время появляются новые сюжеты...*

- *Извините, всё, что мы могли сказать, уже сказано. Ничего нового нет.*

Я действительно не хотел бы развивать эту тему.

³Акопян К.С. Штрихи к лингвистическому «портрету» частицы даже и ее армянских эквивалентов // Филология (Коллективная монография). Кн. 1. – Ер.: РАУ, 2015 [1].

- А Вас удивляет, что такие вопросы возникают? Вы говорите, что всё уже сказано, но польская сторона, польские политики всё время говорят, что эта тема не закрыта.

- Да, но с нашей стороны **уже** всё сказано. И **ещё** раз скажу, что я в настоящее время не могу добавить ничего нового.

- Есть ли по Вашему мнению шансы, что после возобновления переговоров такой памятник будет на том месте установлен?

- **Ещё** раз: это вопрос, который должны обсуждать министерства культуры наших стран.

- Часто политики такое польское видение объясняют следующим образом: да, может быть, действительно были достижения отдельных лиц, но при этом Польша не была тогда полностью независимой, суверенной, демократической страной.

- Польша была суверенным государством, в таком качестве ее признавало все международное сообщество. Конечно, существуют различные трактовки истории, но не стоит отрицать то, что, на мой взгляд, очевидно... **Ещё** раз: это история Польши, и конечно, самим полякам решать, как они видят собственную историю [9].

- Орывок из инаугурационной речи президента РФ В.В. Путина.

От всего сердца благодарю граждан России за вашу сплочённость, за веру в то, что мы можем многое изменить к лучшему. **Ещё** раз хочу сказать спасибо — спасибо за тот уровень искренней поддержки, который вы, граждане России, оказали мне на выборах президента нашей страны.

Это им, нашим детям, предстоит строить нашу страну дальше, добиваться **ещё** больших успехов, чем их родители, уважать и продолжать историю нашего Отечества.

Россия должна быть современной и динамичной, должна быть готова смело принимать вызовы времени и так же энергично отвечать на них, чтобы последовательно наращивать своё лидерство в тех сферах, где мы традиционно сильны, и уверенно, кропотливо, собрав волю в кулак, работать там, где мы ещё должны будем добиться нужных для нас результатов, там, где сделано **ещё** явно недостаточно.

Глубоко убеждён, что между большими, общенациональными задачами и повседневными, казалось бы, частными, проблемами и запросами граждан — абсолютно прямая связь. Потому что **только** так можно сформировать абсолютно необходимые условия для созидания и развития.

Конечно, мы должны идти в ногу с глобальными переменами, выстраивать свою повестку прорывного развития, чтобы никакие преграды и обстоятельства не мешали нам самим — и **только** самим — определять своё будущее, воплощать в жизнь самые смелые наши планы и мечты.

Мы поняли, что вся красота и вся сила — в нашей самобытности и единстве. Мы научились отстаивать свои интересы, возродили гордость за Отечество, за наши традиционные ценности. Опыт показывает, что

и сегодня нам нужно беречь достигнутое и на этой основе, и конечно, двигаться **только** вперёд.

Нам нужны прорывы во всех сферах жизни. Глубоко убеждён: такой рывок способно обеспечить **только** свободное общество, которое воспринимает всё новое и всё передовое и отторгает несправедливость, косность, дремучее охранительство и бюрократическую мертвечину.

Путь вперёд не бывает простым, это всегда сложный поиск. Но история не прощает **только** одного: безразличия и непоследовательности, расслабленности и самоуспокоенности, особенно сегодня, в переломное время, в переломную эпоху, в эпоху бурных изменений во всём мире [10].

В примерах два раза использована частица *уже*, шесть раз – частица *еще* и пять раз использована частица *только*.

С точки зрения семантического вклада употребление частицы *уже* в данных двух примерах является традиционным случаем употребления этого слова в смысле «раньше, чем можно было ожидать». А с точки зрения реализации митигативных стратегий оно более, чем нетрадиционно. В обоих случаях говорящий использует данную частицу в безличной конструкции, уклоняясь от ответа, тем самым снимая с себя ответственность за сложившуюся ситуацию.

Частица *еще* использована в примерах чаще. Семантическая реализация частицы в традиционном понимании прослеживается только в одном примере (последнем) – временное значение: до сих пор нет чего-то. Данный пример интересен тем, что митигативная стратегия совпадает со значением семантическим: с помощью частицы акцентируется отсутствие на данный момент какого-то показателя, который скоро будет выполнен – наблюдается тактика критической оценки. Данный пример, что и логично, из речи президента, как и два предшествующих ему примера, в которых наблюдается в качестве митигативной тактики усилительный акцент, интенсивность. В остальных примерах с употреблением данной логико-модальной частицы наблюдается митигативная тактика не просто усиления воздействия сказанным, но и уточнения, конкретизации во избежание конфликтогенных выводов, неоднозначного трактования речи посла.

Частица *только* относится к частицам, обозначающим отрицательные смысловые отношения. Частица обозначает сложную мыслительную операцию: вычленение из общего одной части и отрицание остатка [2: 178]. Во всех примерах наблюдается реализация семантико-прагматической функции частиц: происходит выделение объекта из некоего множества объектов, релевантных в данной ситуации. Множество выбора не указывается, адресату приходится самостоятельно, привлекая свои знания о ситуации, конструировать это множество релевантных объектов, в чем и осуществляется интенция говорящего. Например, *никуда иначе, кроме как вперед; никому другому, кроме тебя; никакое другое общество, кроме как свободное* и т.д. Также митигативные тактики реализуются с помощью обозначенного вектора развития, условий, то есть предпосылок, замечаний на будущее для адресатов. Реализации стратегий способствует и синтаксичес-

кое вычленение акцентированного слова, а также сравнительная конструкция, которая описывает плюсы посредством детерминации, сравнивает с существующими минусами, однако без конкретизации, активируя фоновые знания адресата. То есть наблюдается размытость речи, свойственная дипломатической речи.

Таким образом, выбор митигативных стратегий и тактик обусловлен прагматической спецификой дипломатической речи, направленной на предотвращение и урегулирование возможных конфликтов [3]. Исследование дипломатической коммуникации с лингвистических позиций, изучение языковых средств современной дипломатии вызывают всё больший интерес и позволяют по-новому взглянуть на дипломатические дискурсивные практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопян К.С. Штрихи к лингвистическому «портрету» частицы даже и ее армянских эквивалентов // Филология (Коллективная монография). Кн. 1. – Ер.: Изд-во РАУ, 2015.
2. Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. – М.: Школа. «Языки славянской культуры», 1996. С. 155-373.
3. Волкова И.Н. Коммуникативное смягчение в дипломатическом дискурсе // Волжский гуманитарный институт Волгоградского государственного университета, Россия. - Филологические науки. 2011. № 9 // URL: http://www.rusnauka.com/22_PNR_2011/Philologia/9_91066.doc.htm
4. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании. - М., 1985. 170 с.
5. Стародумова Е.А. Акцентирующие частицы в современном русском литературном языке. АКД. – Владивосток, 1988. 96 с.
6. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты). Волгоград: Изд-во «ВолГУ», 2009. – 382 с.
7. Торопова Н.А. Роль логических частиц в формировании смысла предложения/Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств. Калинин: КГУ, 1980. - С. 126-135.
8. Щербань Г.Е. О функциях пропозициональных частиц в актуальном членении текста //Электронный журнал «Исследовано в России». С. 535-544.
9. AV//URL:https://krakow.mid.ru/novosti/asset_publisher/poSTOip5IbEK/content/interv-u-posla-rossii-v-pol-se-s-v-andreeva-pol-skoj-radiostancii-rmf-fm-sostoalos-12-fevra-la-obnarodovano-15-fevrala-2018-g-?inheritRedirect=false
10. AV // URL: <https://mir24.tv/news/16304118/torzhestvennaya-ceremoniya-vstupleniya-v-dolzhnost-prezidenta-rossii-video>

ԻՄԱՍՏԱՅԻՆ ՄԱՍՆԻԿՆԵՐԻ ՕԳՆՈՒԹՅԱՄԲ ՀԱՂՈՐԴԱԿՑՈՒԹՅԱՆ ՄԵՂՄԱՅՆՈՂ ՏԱԿՏԻԿԱՆԵՐԻ ԻՐԱԿԱՆԱՑՈՒՄԸ ԴԻՎԱՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ԽՈՍՔՈՒՄ

Ս.Ա. ԹՈՒՆՅԱՆ

Հայ-Ռուսական (Միավորական) համալսարան

Իմաստային մասնիկը, ազդելով այնպիսի կոգնիտիվ ունակության վրա, ինչպիսին ուշադրությունն է, նշանակալից ներդրում է կատարում ինֆորմացիայի մշակման գործընթացում՝ թույլ տալով հասցեատիրոջը կենտրոնանալ հաղորդագրության հոսքի

ամենակարեւոր հատվածների վրա: Աշխատանքը նվիրված է որոշ իմաստային մասնիկների օգնությամբ հաղորդակցման մեղմացնող տակտիկաների բացահայտմանը դիվանագիտական խոսքում:

Բանալի բառեր՝ հաղորդակցության մեղմացնող տակտիկաներ, դիվանագիտական խոսք, իմաստային մասնիկ:

THE IMPLEMENTATION OF MITIGATIVE TACTICS WITH CERTAIN PROPOSITIONAL PARTICLES IN THE DIPLOMATIC SPEECH

S. TUNYAN

Russian-Armenian (Slavonic) University

A propositional particle, acting on such cognitive ability as attention, makes a significant contribution to the information handling processes, allowing the addressee to focus on the most significant fragment in the message flow. The work is devoted to the identification of communicative tactics of mitigation in diplomatic speech with the help of some propositional particles.

Key words: mitigation tactics, diplomatic speech, propositional particle.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 11 мая 2017 г., подписана к печати в № 1 (112) 2018 27.12.2018.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ**ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
В РУССКОМ И АРМЯНСКОМ ЯЗЫКАХ****С.А. БУДАГЯН***ЕГУ им. В.Я. Брюсова*

Изучение префиксального глагольного словообразования в армянской школе вызывает серьезные затруднения у учащихся и требует специально разработанной системы обучения. По богатству словообразовательных возможностей русский язык во многом отличается от армянского, особенно в рамках исследуемой темы. В армянском языке нет подобной развитой системы префиксации, и многие значения префиксальных глаголов просто не дифференцируются в пределах одной лексической единицы, а передаются либо описательными оборотами, либо вообще не различаются.

Ключевые слова: сопоставительное изучение, интерферирующее воздействие, филологическая основа, глагольное словообразование.

Сопоставительное изучение системных закономерностей родного и иностранного языков позволяет выделить как универсальные, так и специфические явления на различных языковых уровнях. При изучении явлений, имеющих аналоги в родном языке, создается возможность переноса знаний и навыков родного языка на иностранный, и, напротив, при выявлении специфических характеристик, не имеющих аналогов в родном языке, необходимо учитывать интерферирующее воздействие родного языка при обучении данному явлению в иностранном языке.

«Сопоставительное изучение языков может вестись, – считает Л. Козлова, – как на уровне всей лексической, грамматической или фонетической системы, так и на уровне отдельных подсистем или грамматических классов слов, при условии, что сопоставления отдельных элементов проводятся с учетом системных закономерностей» [6: 73]

Как отмечает Л. Щерба, «изучение иностранного языка является, с одной стороны, наилучшим средством для познания родного языка, а с другой – для философского его преодоления и для развития диалектического мышления. Но если велико значение иностранного языка для родного, то справедливо громадное значение родного языка для изучения иностранного» [7: 341].

И далее Л. Щерба отмечает, что «родной язык и иностранный язык образуют тесно связанную пару предметов, являясь филологической основой всего образования, и немыслимы один без другого» [Там же: 363]:

«мы должны признать раз и навсегда, что родной язык учащихся участвует в наших уроках иностранного языка» [Там же: 343].

Именно поэтому мы попытаемся выявить особенности глагольного словообразования в русском и армянском языках, а также выделить сходства и расхождения.

Как известно, при сопоставлении двух языков выявляются следующие типы расхождений:

- 1) языковое явление присутствует в изучаемом языке, но отсутствует в родном языке учащихся;
- 2) языковое явление присутствует в обоих языках, но различается по способу выражения и выполняемым его функциям;
- 3) языковое явление отсутствует в изучаемом языке и наличествует только в родном языке учащихся.

Из этих трех основных типов расхождений на всех этапах обучения наибольшую трудность представляет первый, поскольку в этом случае основная задача учителя состоит в том, чтобы сформировать новые понятия и модели в языковом сознании учащихся. Учитель должен действовать практически, а для этого надо выяснить, в чем наши учащиеся затрудняются при изучении русского языка, выявить наиболее частотные ошибки, и, соответственно, ориентировать свою работу.

Преподавание русского префиксального глагольного словообразования на фоне армянского языка позволяет наглядно проиллюстрировать первый тип расхождений, поскольку как в современном армянском языке префиксальное глагольное словообразование отсутствует, тогда как в системе русского глагола оно является весьма продуктивным и играет существенную роль.

Исследователи отмечают, что «наиболее продуктивным способом обогащения лексики армянского языка является внутренний путь образования новых слов посредством сложения и аффиксации» [4: 3]. Отсутствие в армянском языке продуктивного для русского языка префиксального глагольного словообразования представляет определенную трудность для носителей армянского языка при осознании, восприятии, распознавании, усвоении и воспроизведении вышеназванного способа словообразования, так как у таких учащихся «формировать в сознании новую, неизвестную им из родного языка <...> категорию возможно лишь путем тщательно продуманной, лингвистически и психологически обоснованной и рационально построенной системы упражнений» [2: 53].

Сопоставительный анализ поможет выявить сходства, которые могут быть изучены с опорой на родной язык учащихся (все способы глагольного словообразования), и выявить различия, которые не находят опоры в родном языке учащихся (префиксальное глагольное словообразование) и требуют тренировки для привития умений и навыков.

Наш опыт преподавания подтвердил верность вывода Л.Щербы о том, что «можно изгнать родной язык из процесса обучения (и тем самым обеднить этот процесс, не давая иностранному языку никакого оружия для

самозащиты против влияния родного), но изгнать родной язык из голов учащихся... – невозможно» [8: 62].

В процессе сопоставительного анализа мы опирались на исследования Р.С. Манучаряна «Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках» (Ереван, 1981) и Е.П. Арустамяна «Вопросы методики преподавания русской грамматики в армянской школе и трудности изучения некоторых ее категорий» (Ереван, 1973).

Рассмотрим состав слова в русском и армянском языке. Как известно, и в русском, и в армянском языках обязательным является наличие корня: *дом, տնիկ; дом-ик, տն-իկ; глад-и-ть, ցրդովել*. Наличие аффиксов тоже является общим. Но в армянском и русском языке некоторые морфемы выполняют разные функции. В армянском языке роль приставки выполняют морфемы (*տախտանցներ*), меняющие лексическое значение слова: *տ-գետ, ց-ուշ*. В русском же языке есть приставки, не только меняющие лексическое значение слова (*говорить – подговорить – уговорить*), но и приставки, не меняющие его (*говорить – поговорить, читать – прочесть*).

Словообразовательных постфиксов, т.е. суффиксов, следующих за флексиями (типа русского *-ся*), в армянском языке нет. Суффиксы, по сравнению с префиксами, занимают большее место.

Способы словообразования в русском и армянском языках отличаются также по степени продуктивности: префиксальное глагольное словообразование в армянском языке не является настолько продуктивным способом словообразования, как в русском. И, как отмечают многие лингвисты, префиксация в армянском языке не только занимает небольшое место, но и относительно расширение сферы ее действия в современном армянском языке, по их мнению, связывается с влиянием именно русского.

Перейдем к рассмотрению глагольных приставок. Образование новых глаголов посредством приставок имеет очень сложный механизм. Префиксы, сочетаясь с глаголами, вносят новые, добавочные значения в основное значение глаголов.

В глагольных префиксах обнаруживается вся словообразовательная гибкость русского языка для выражения содержания мыслей, чувств, переживаний. Поэтому классики русской литературы широко используют глагольные приставки как один из способов создания разветвленных значений и вариантов значений. Это подтверждается фактами из произведений корифеев русской литературы А.Пушкина, Н.Гоголя, Ф.Достоевского, А.Чехова, Л.Толстого и др. Приведем только один иллюстративный пример. Художественный язык Л. Н. Толстого очень богат. Есть факт использования автором глагола «вести» с 16-ю различными префиксами: *навести, привести, завести, довести, увести, свести, подвести, отвести, развести, обвести, взвести, ввести, извести, вывести, провести, подвести*.

Отметим, что в вопросе продуктивности глагольных приставок нет единого мнения. Так, Аверьянова Г.Н. считает, что в современном русском глагольном словообразовании продуктивны 22 глагольные приставки [1: 4]:

в- (во-)	из- (ис- , изо-)	обез- (обес-)	пре-	с- (со-)
вз (взо- , вс- , воз-)	на-	от- (ото-)	пред- (предо-)	у-
вы-	над- (надо-)	пере-	при-	
до-	недо-	по-	про-	
за-	о- (об- , обо-)	под- (подо-)	раз- (рас- , разо- , рос-)	

Другие учёные [5: 148-151] считают, что в современном русском литературном языке активны 18 простых продуктивных приставок, которые участвуют в процессе внутриглагольного образования: **в-** (**во-**), **вз** (**вс-**, **взо-**, **воз-**), **вы-**, **до-**, **за-**, **из-** (**ис-**, **изо-**), **на-**, **над-** (**надо-**), **о-** (**об-**, **обо-**), **от-** (**ото-**), **пере-**, **по-**, **под-** (**подо-**), **при-**, **про-**, **раз-** (**рас-**, **разо-**, **рос-**), **с-** (**со-**), **у-**.

Кроме указанных приставок есть две сложные приставки: **недо-** и **обез-** (**обес-**). Приставка **недо-** состоит из элементов **не-** и **до-**: **недобрать**, **недослышать**. Она указывает на неполноту, недостаточность действия. Приставка **обез-** (**обес-**) состоит из элементов **о-** и **без-**: **обезволить**, **обесценить**, **обессилить**; она придает значение лишения, потери и удаления чего-либо.

При изучении глагольных приставок в армянской школе возникают большие трудности. Учащиеся долгое время не могут понять и усвоить эту специфическую особенность русского глагольного словообразования, особенно если учесть то обстоятельство, что многие русские глаголы сочетаются практически со всеми продуктивными глагольными приставками, а некоторые (причем с тем же лексическим значением, но отличающиеся, например, видом) – со сравнительно небольшим количеством приставок.

Сравним:

Говорить	сказать
вы-	вы-
до-	до-
за-	—
на-	на-
о- (об-)	—
от-	—
пере-	пере-
по-	—
под-	под-
—	пред-
при-	—
про-	—
раз-	рас-
с- + -ся	—
у-	—

И дело не в простом, механическом присоединении приставок к глаголам, а в том, что каждая приставка как словообразовательный элемент привносит свое добавочное, вторичное значение, и получается новое слово с новым значением. Рассмотрим, например, глагол *говорить* с разными приставками:

вы- — **выговорить** имеет следующие значения:

- 1) произнести, сказать: *выговорить слово*;
- 2) выговаривать (делать замечание, выражать неудовлетворение);

за- — **заговорить**:

- 1) начать говорить: *ребенок рано заговорил; больной, наконец, заговорил слабым голосом; долго молчал и слушал, затем заговорил*;
- 2) утомить разговорами: *заговорить до головной боли; заговорил всех своим нудным пустословием*;
- 3) может употребляться и в метафорическом значении: *заговорил голос рассудка, заговорило золотое сердце, заговорила огненная кавказская кровь; заговаривать зубную боль*.

на- — **наговорить** имеет несколько значений:

- 1) сказать, сообщить многое: *наговорить лишнего*;
- 2) оклеветать, приписать кому-нибудь что-нибудь: *наговаривать на соседа*.

Глагол *сказать* сочетается с префиксами: *вы-, до-, на-, пере-, под-, пред-, рас-*. К главному значению – выразить вербально какую-либо идею, соображение, сообщить что-либо, произнести – указанные приставки привносят вторичные значения. Так, например:

вы- — **высказать** имеет значения:

- 1) выразить словами: *высказать мысль*;
- 2) выявить, обнаружить свое отношение, свои чувства, желания: *высказать пожелание*;
- 3) выразить свое недовольство: *высказать все*.

до- — **досказать** имеет значение:

закончить сообщение, информацию, рассказывание чего-либо: *досказать мысль*.

на- — **насказать**:

сказать очень много, наговорить: *насказать массу новостей, «Женщина, если захочет, каких слов не на скажет» (Н.Гоголь); «Я на сказала ему глупостей, а он повесил голову и шепчет что-то под нос» (А.Гончаров)*;

пере- — **пересказать**:

передать содержание виденного, прочитанного, слышанного: *«Всего, что знал еще Евгений, пересказать мне недосуг» (А.Пушкин)*;

под- — **подсказать**:

сказать другому то, что тот должен сказать: *подсказать ответ на вопрос, подсказать во время экзамена*. Переносно: навести на мысль: *подсказал хорошую мысль, опыт подсказал правильное решение*.

пред- – предсказать:

заранее предвидеть, сказать то, что должно произойти: *предсказать погоду, ход болезни, ход событий;*

рас- – рассказать:

устно информировать, сообщить (сообщать) о чем-либо: *рассказать об экскурсии на завод, о поездке на теплоходе по Волге, рассказать о своих впечатлениях о выставке картин.*

Следовательно, глаголы **говорить** и **сказать**, сочетаясь с приставками, приобретают несколько значений и, помимо того, префиксальный глагол, как видно из приведенных примеров, в зависимости от цели высказывания, может иметь несколько значений.

Как упоминалось выше, в армянском языке практически нет глагольных префиксов, вносящих добавочное значение в слово и меняющих значение слова, что и затрудняет изучение и понимание префиксальных глаголов. Как же употребляются эти глаголы в армянском языке? Мы обратились к некоторым русско-армянским словарям (Русско-армянский словарь. А.С.Гарибян. Издание 3, Ереван, 1982; Русско-армянский словарь. Дж.А.Гарибян и др. Ереван: Антарес, 2008) с целью проанализировать, как переведены на армянский язык глаголы *писать* и *говорить* в сочетании с разными приставками.

вписать 1. *ներգրել, ներգծել, գրանցել, մեջը գրել*

выписать 1. *դուրս գրել, նախշագրել*

дописать 1. *գրել վերջացնել*

записать 1. *գրի առնել, ցուցակագրել, հասցեն գրել, մեկի անունով գրել, մեկի վրա գրել*

написать 1. *գրել*

описать 1. *նկարագրել, շարադրել* 2. *վերգրել, ցուցակագրել* 3. *արտագծել* 4. *աղեղնաձև շարժում կատարել*

отписать 1. *կտակել* 2. *բռնագրավել* 3. *փոխադրել* 4. *գրել վերջացնել*

переписать 1. *արտագրել* 2. *նորից գրել* 3. *վերանկարել* 4. *վերգրել (գույքը), ցուցակագրել (մարդկանց)* 5. *ընդօրինակելով արտագրել*

пописать 1. *խզբզել, գրոտել*

подписать 1. *մակագրել, բաժանորդագրվել*

приписать 1. *հավելագրել*

прописать 1. *գրանցել*

расписать 1. *չափազանցնել*

списать 1. *արտագրել*

Рассмотрим глагол **говорить** с разными приставками.

говорить 1. *ասել, խոսել*

выговорить 1. *արտասանել* 2. *սրտում եղածը թափել*

договорить 1. *ասել վերջացնել*

заговорить 1. *կախարդել* 2. *ավելորդաբանել*

наговорить 1. չափից ավել, շատ խոսել 2. չարախոսել 3. հմայախոսել 4. իր փոքր ծայնագրել

оговорить 1. գրպարտել 2. կանխապայման դնել 3. վերապահում անել 4. հանդիմանել

отговорить 1. տարհանոգել (ետ հանոգել) 2. ետ կանգնեցնել 3. խոսել վերջացնել

переговорить 1. կարճ խոսակցել (բանակցել), 2. գրուցել (շատ բանի մասին), 3. լեզվակրիս անել

поговорить 1. գրուցել, սրտակցաբար խոսել

разговорить 1. գրույցի բռնվել 2. խոսակցել 3. խոսքով ընկնել 4. լեզուն բացվել

сговориться 1. պայմանավորվել 2. համաձայնության գալ 3. խոսքները մեկ անել, դավադրել 4. նշան դնել

уговорить 1. հանոգել, հորդորել 2. հանգստացնել, մխիթարել

Как мы заметили, глаголы, которые в русском языке меняют свое значение при помощи приставок, в армянском выражаются в основном сочетанием слов.

Мы проанализировали глаголы армянского языка, для того чтобы найти соответствия между приставками. По нашему мнению, эта работа на определенном этапе может помочь при изучении префиксальных глаголов. При этом мы пользовались пособиями: Սուրբաշյան Ա.Ս. Ժամանակակից հայոց լեզու, Երեվան, 1982; Гарибян А.С. Русско-армянский словарь. Изд. 3. Ереван, 1982; Дж.А. Гарибян и др. Русско-армянский словарь. Ереван: Антарес, 2008.

Следует отметить, что армянские приставки *ալ (ա)-*, *ան-*, *դժ-*, *տ-*, *չ-* соответствуют русской приставке *(о)без-/ (о)бес-*. Например:

ալա-զինել – *обез-оружить*

դժ-գունացնել – *обес-цветить*

ան-բախտացնել, դժ-բախտացնել – *обез-долить*

ան-հանգստացնել – *бес-покоить*

ան-արգել, ան-պատվել – *обес-честить*

ան-զգայացնել – *обез-болить*

Приставка *գեր(ա)-* соответствует русской приставке *пере-*:

գերա-զնահատել – *пере-оценивать*

գերա-կշռել – *пере-весить*

Приставке *փոխ(ա)-* также соответствует приставка русского языка *пере-*:

փոխա-դրել – *пере-водить, пере-возить*

փոխ-անցել – *пере-дать*

Приставке *նախ(ա)-* соответствует приставка русского языка *пред-*:

նախա-պատվել, նախ-ընտրել – *пред-почитать*

նախա-ձեռնել – *пред-принимать*

նախա-գուշակել – *пред-вещать*

նախա-տեսնել – *пред-видеть*

Приставке *թեր(ա)-* соответствует приставка русского языка *недо-*:

թերա-գնահատել – недо-оценивать

թերա-բեռնել – недо-грузить

թերա-կշռել – недо-весить

թեր-ստել – недо-говаривать

Приставка *համ(ա)* - соответствует приставка русского языка *со-*, а в некоторых случаях – приставка *до-*:

համա-գործակցել – со-трудничать

համա-տեղել – со-вместить

համա-դրել – со-поставить

համա-լրել – до-полнить

Приставка *ներ(ա)*- соответствует приставкам русского языка *в-*, *воз-*, а в некоторых случаях – приставке *про-*:

ներա-ծել – в-вести

ներ-դնել – в-кладывать, в-ставить

ներ-արկել – в-водить

ներ-ծծել – в-питать

ներ-գործել – воз-действовать

ներ-խուժել – про-никать

Приставке *ստոր(ա)* - соответствует приставка русского языка *под-*:

ստորա-գրել – под-писать

ստորա-գծել – под-черкнуть

Наши наблюдения показали, что возможны и другие нетипичные соответствия. Например:

մակա-գրել – над-писать

վերա-բերել, *վերա-բերվել* – от-носиться

բաղա-դրել – со-ставлять

արտա-գրել – с-писать

ենթ-արկել – под-чинять

սարս-նակել – со-держать и др.

Можно констатировать, что значение некоторых глагольных префиксов русского языка соответствует суффиксам армянского языка или редупликации корней. Например:

раз-резать – *կտր-տր-ել*

под-прыгивать – *ցատկ-ստ-ել*

раз-бросать – *թափ-թփ-ել*

При подборе приставочных глаголов мы исходили из следующих методических соображений: отбирали примеры, наглядно демонстрирующие (речь идет о внутренней наглядности) гибкость и способность глагольных приставок сочетаться с глаголами и придавать словарным единицам новые значения, что имеет весьма важное значение для понимания русского языка учащимися армянской школы.

По богатству словообразовательных возможностей русский язык во многом отличается от армянского, особенно в рамках исследуемой темы. В армянском языке нет подобной развитой системы префиксации, и многие

значения префиксальных глаголов просто не дифференцируются в пределах одной лексической единицы, а передаются либо описательными оборотами, либо вообще не различаются.

Таким образом, изучение префиксального глагольного словообразования в армянской школе вызывает серьезные затруднения у учащихся и требует специально разработанной системы обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянова Г.Н. Русские глагольные приставки. – М.: Русский язык. Курсы, 2008. – 120 с.
2. Аракин В.Д. Типология языков и проблемы методики преподавания русского языка как иностранного // Русский язык за рубежом. 1969, № 3. – С. 17-22.
3. Арустамян Е.П. Вопросы методики преподавания русской грамматики в армянской школе и трудности изучения некоторых ее категорий. – Ереван, 1973. – 207 с.
4. Григорян П.А. Обучение словообразованию в средней школе // Автореферат дисс. ... к.п.н. – Ер.: 1982. – 21 с.
5. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Т. 1-2. Часть вторая. Братислава, 1960. – 880 с.
6. Козлова Л. А. Сопоставительный анализ моделей словообразования качественных наречий в английском и русском языках // Сопоставительный анализ языковых единиц / Межвузовский сборник научных трудов. – 1986. – С. 31- 39.
7. Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. Издание 2-е, М., 1974. – 139 с.
8. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
9. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях / Под. ред. Звегинцева В.А. – М.: Просвещение, 1965. – Ч.2. – 495 с.
10. Гарибян А.С. Русско-армянский словарь. – Ер.: Айастан, 1982. – 1440 с.
11. Гарибян Дж.А. и др. Русско-армянский словарь. – Ер: Антарес, 2008. – 384 с.

ԲԱՅԵՑԻ ԲԱՌԱԿԱԶՄՈՒԹՅԱՆ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՌՈՒՄԱՑ ԵՎ ՀԱՅՈՑ ԼԵԶՈՒՆԵՐՈՒՄ

Ս. Ա. ԲՈՒՂԱՂՅԱՆ

Վ. Բոլյուսովի անվան ԵՊՀՀ

Հայկական դպրոցում ռուսաց լեզվի բայերի նախաձանցների ուսումնասիրությունը լուրջ դժվարություններ է առաջացնում աշակերտների մոտ: Ուստի՝ այն պահանջում է ուսուցման հատուկ մշակված համակարգ: Բառակազմական հնարավորությունների հարստությամբ ռուսերենը շատ է տարբերվում է հայերենից, հատկապես ուսումնասիրվող թեմայի շրջանակներում: Ռուսաց լեզվի նախաձանցային բայերի շատ նշանակությունները պարզապես չեն տարբերվում մեկ բառային միավորի սահմաններում, այլ փոխանցվում են կամ նկարագրական, կամ ընդհանրապես չեն տարբերվում:

Հիմնաբանը. համեմատական ուսումնասիրություն, միջամտող ազդեցություն, բանասիրական հիմք, բայերի բառակազմություն:

FEATURES OF VERB FORMATION IN RUSSIAN AND ARMENIAN LANGUAGES

S. A. BUDAGYAN

Yerevan state university of languages and social sciences after V.Ya. Bryusov

The study of prefixed verbal word formation in Armenian schools causes serious difficulties for students and requires a specially developed learning system. The richness of word-forming possibilities of the Russian language differs from the Armenian language in many ways, especially within the framework of the topic under study. There is no such developed system of prefixing in the Armenian language, and many meanings of prefixed verbs are simply not differentiated within a single lexical unit, but are transmitted either by descriptive turns or do not differ at all.

Key words: *comparative study, interfering influence, philological basis, verbal word formation.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 13 мая 2018 г., подписана к печати в № 1 (112) 2020 27.12.2018.

ОТРАЖЕНИЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В КАТЕГОРИИ ЧИСЛА

К. Г. МУРАДЯН

*Армянский государственный институт
физической культуры и спорта*

Категория числа многие десятилетия находится в центре внимания не только математиков (что представляется совершенно естественным), но и философов и лингвистов. Грамматическая категория числа лишь на первый взгляд представляется достаточно прозрачной. При более тщательном рассмотрении этой категории уже простейший анализ наиболее типичных факторов показывает, что параллелизм реальных различий в числе и соответствующих грамматических явлениях существенно нарушается. Вопрос о соотношении грамматической категории числа и понятийной категории количества до сих пор не исчерпан и представляет собой одну из важнейших проблем современной филологической науки.

Ключевые слова: категория числа, типологические особенности, грамматическая категория, семантическая категория, понятие числа в разных языках.

Категория числа многие десятилетия находится в центре внимания не только математиков (что представляется совершенно естественным), но и философов и лингвистов. Как отмечает А.А. Реформатский, «лингвисту, подходящему к числу со своего берега, надо не обольщаться тем, что ценно математику и философу, а понять число как факт языковой онтологии, как член языковой структуры и системы» [5: 67]. По мнению Г.А. Меновщикова, категории количества, времени и пространства, являясь объектом исследований математиков и философов, в то же время как понятийные категории, выражающиеся средствами языка, подлежат компетенции лингвистов – с точки зрения выявления и установления многообразных формальных средств и способов обозначения в языках этих понятийных категорий [2: 82]. «Категория количества – одна из наиболее общих абстрактных категорий мышления современного человека. Она является необходимым элементом познания, пронизывает все стороны человеческой деятельности, как практической и бытовой, так и научно-познавательной. Это универсальная логическая категория, необходимая ступень познания» [3: 10].

Как известно, язык – это своеобразное зеркало общества. Он в точности воспроизводит человеческое мышление, а число и умение мыслить числами – одно из великих и древних достижений человечества. Категория числа стоит особняком в любой науке. «Без числа немыслима не только любая наука, но и любое знание, любое отношение к жизни» [5: 67]. Число определяет не только количество вещей, меру и степень проявления тех или иных явлений, но и отражает простую связь явлений. Важно не отождествлять математическую категорию числа и грамматическую. «Подобно тому,

как категория рода – не одно и то же, что различия пола, и грамматическое число – не копия математического числа» [5: 68].

Грамматическая категория числа лишь на первый взгляд представляется весьма простой и прозрачной. При более детальном изучении этой категории уже обычный научный анализ наиболее типичных факторов выявляет, что параллелизм реальных различий в числе и соответствующих грамматических явлениях нарушается. Это говорит о том, что хотя любое имя существительное имеет хотя бы одну форму, соответствующую типу структуры единственного или множественного числа, фактически не все имена данного грамматического класса обладают категорией числа. Однако следует оговорить, что наличие одной лишь формы не всегда является признаком данной грамматической категории. Одной из основных причин этого явления многие исследователи считают сопротивление лексического материала грамматической форме, которое, в свою очередь, обусловлено разным соотношением обозначаемых объектов в реальной действительности. Причем, как отмечает Р.А. Будагов, явление это универсально, ибо «...не существует языков, в которых механизм выражения категории числа так или иначе не находился бы в зависимости от различных лексических групп, через посредство которых этот механизм действует» [Цит. по 2: 535].

Совершенно очевидно, что форма числа далеко не всегда передает присущее ей категориальное значение, то есть план выражения не всегда прямо не соответствует плану содержания. Можно утверждать, что данное явление практически универсально, что, вероятно, обусловлено весьма сложным процессом отражения в мышлении человека антропоцентрической картины мира.

Языковая категория числа далеко не тождественна в различных языках. Одно и то же количество может выражаться по-разному не только в разных языковых системах, но и внутри отдельно взятой системы, что может показаться парадоксальным.

Категорией числа, в целом, обладают практически все цивилизованные языки, однако в способах выражения данной грамматической категории языки выявляют свою индивидуальность. Это дает основание данной теме не быть исчерпанной и оставаться одной из актуальных тем современной лингвистики. Особый интерес для исследователей представляют качественные и количественные типологические особенности категории числа в сопоставлении двух и более языков.

Категория количества и, прежде всего, прерывного (дискретного) количества помимо числовых обозначений лексического характера находит свое выражение также в грамматической категории числа, которая дает возможность охарактеризовать в количественном отношении предметы и явления, упоминаемые в речи. Ее яркое проявление чаще всего ощущается в разграничении единственного и множественного числа.

«Вопрос о наличии в языках только единственного и множественного числа или же еще и двойственного (а иногда и тройственного) числа пред-

ставляет для проблемы абстракции в языке глубокий интерес. На всех этих случаях реляционность числа в грамматике и своеобразие абстракции в грамматике и языке в целом –выявляются очевидно и отчетливо» [5: 68].

В мире насчитываются языки, не имеющие грамматического числа как такового. К числу таких языков относится, например, современный китайский. Однако несмотря на отсутствие грамматической категории числа, подобные языки, тем не менее, обладают всеми средствами для передачи количественных значений. Обычно это делается посредством слов типа «один», «два», «несколько», «каждый», «много» и так далее.

Грамматическая категория числа изначально реализует первичную квантитативную актуализацию, вторичная реализуется посредством лексических единиц разных лексико-грамматических разрядов. Понятийная категория, реализуемая разноуровневыми единицами, выражает различные значения. Между лексическим и грамматическим значениями есть четкая граница. Здесь приобретают особую значимость как языковые, так и внеязыковые факторы. Лексические значения реализуют основную номинативную (назывную) функцию, конкретизируя явления и отношения объективной действительности. А грамматические значения по своей природе являются абстрактными и обобщенными. Как справедливо отмечает А.В. Бондарко, грамматическое значение, охватывающее большие классы слов, отличается регулярностью, универсальностью, а также обладает такими свойствами как обязательность, инвариантность и системная релевантность [1]. В то же время лексические значения, ограниченные небольшим числом слов, относительно произвольны, конкретны и весьма образны.

Языки, в которых есть лексические средства выражения количества, но нет грамматических средств, встречаются довольно редко. Таковыми являются, например, языки Юго-Восточной Азии (вьетнамский, лаосский и др.) и некоторые языки индейцев Северной Америки. Отметим, что языки, функционирующие без грамматической категории числа, – это явление значительно более редкое, чем языки без категории рода, падежа и определенности/неопределенности.

В большинстве цивилизованных языков мира имеются два числа – единственное и множественное. Это типологическое явление свойственно большинству индоевропейских языков, урало-алтайским, картвельским и нахско-дагестанским языкам Кавказа, а также африканским языкам банту и др.

Единственное число в большинстве языков обозначается номинативной формой имени (нулевая форма). Между тем эта же форма имени в зависимости от речевой ситуации понятийно может означать обобщенную множественность (ср. «морж лежит на льдине» и «морж во множестве появился в проливе»). Таким образом, грамматическая форма единственного числа, используемая, вроде бы, только для выделения единичности конкретного предмета, одновременно может употребляться для обозначения множества предметов, однако мыслимых как единое целое. Так, например, в ряде сибирских языков и практически во всех тюркских языках имена существи-

тельные, называющие конкретные однородные предметы, формой единственного числа обозначают как единичность конкретного предмета, выделяемого из массы однородных предметов, так и обобщенное множество таких предметов. В тунгусо-маньчжурских языках, например, форма единственного числа существительных употребляется для обозначения как одного предмета, так и группы однородных предметов. Так, например, существительное *орон* в эвенском означает «олень, олени, стадо оленей», а форма множественного числа этого слова (*орор*) употребляется лишь в редких случаях для обозначения дистрибутивного множества.

Отметим, что использование единственного числа имени для обозначения обобщенного множества широко применяется в большинстве языков мира [2: 83].

Вероятно, разделение числа на единственное и множественное является неким пережитком прошлого, когда счет редко применялся на практике, и специфических грамматических форм, означавших «один» и «много», было достаточно в большинстве практических случаев.

Интересно отметить, что для выражения грамматических значений числа могут использоваться самые разнообразные средства. Это и аффиксы (ср. англ. *book*—«книга», *books*—«книги»), и так называемая внутренняя флексия, т.е. изменение гласных внутри корня (например, в арабском *madona(t)* — «город», *mudu/* — «города» (больше двух), ср. также англ. *foot*—«нога», *feet*—«ноги»), и редупликация, т.е. удвоение корня (например, в индонезийском языке *orang* — «человек», *orang-orang* — «люди»). А, например, в венгерском языке число выражается факультативно в том случае, если значение множественности становится очевидным из данного контекста, например, в сочетании с обозначениями количества *много, десять* и т.п. используется форма единственного числа.

В языках, где существуют только единственное и множественное число (например, английский язык), посредством форм грамматического числа выражается лишь различие между единичным объектом и множеством объектов, причем последнее может быть самой различной мощности. К таким языкам принадлежат, в частности, германские, романские, славянские и многие другие цивилизованные языки. В них количественность оформляется морфологически, то есть как грамматическая категория числа, представляющая собой оппозицию грамматической категории единственного числа и грамматической категории множественного числа и отражающая в общем виде противопоставление «один» — «более чем один». Оговорим, что в некоторых языках наблюдается наличие двойственного числа, тройственного числа или паукального. Система, основанная на противопоставлении трех значений (единственное — двойственное — множественное), наблюдается в семитских языках, в индоевропейских (особенно в древних — в санскрите, древнегреческом, старославянском, древнерусском, готском и др.), а также в ненецком, корякском, алыторском и некоторых

других. Среди современных языков, функционирующих на основе тернарной оппозиции числа, можно отметить словенский и лужицкий.

К числу языков, имеющих двойственное число, относятся арабский, словенский, исландский и другие. Двойственное число существовало и в древнерусском языке. Этот факт легко подтверждается наличием в современном русском языке слов для обозначения парных объектов, таких как «уши», «плечи» и т. п. и при использовании некоторых слов с числительными до 4: *два дома, три дома, четыре дома, но пять домов* и т. п.

Очень редко встречается система с противопоставлением 4-х чисел (единственное - двойственное - тройственное - множественное). Она засвидетельствована в ряде папуасских языков. Еще более сложная система, включающая четверное число, имеет место, например, в языке сурсурунга (один из австронезийских языков), в котором по пяти числам противопоставлены личные местоимения: *ты-двое-вы трое-вы четверо-вы (более четырех)*. Некоторые ученые считают четверное число частным случаем паукального.

Паукальное число (лат. *raucus* – немногочисленный) – грамматическая категория существительного, прилагательного, местоимений-существительных и местоимений-прилагательных, обозначающая, что данная часть речи относится к нескольким лицам или предметам. Данную грамматическую категорию используют некоторые австронезийские (например, сурсурунга, лихир, маршалльский язык) и австралийские (например, вальбири) языки. Эта категория встречается и в полинезийских, дагестанских и ряде других языков.

Хотя в русском языке паукальное число не выделяется как грамматическая категория, все же некоторые счетные формы русского языка также можно отнести к паукальному. Например, в русском языке есть счетная форма существительных, сочетаемая с числами 1,5 (*полтора*), 2 (*два*), 3 (*три*) и 4 (*четыре*), которая обычно совпадает с родительным падежом, но с некоторыми исключениями: *два шара* (но: объем шара), *три часа* (но: *не прошло и часа*), *четыре шага* (но: *на расстоянии шага*). Эта форма (происходящая от древнерусского двойственного числа) также может считаться выражением паукального числа.

За рамками представленных выше оппозиций (бинарных, тернарных и других) остаются группы слов, употребляющиеся в форме только одного из чисел. Следует отметить, что хотя число и является одной из стержневых категорий имени существительного, оно пронизывает всю номенклатуру частей речи. Кроме того, число часто выражается совместно с другими грамматическими категориями, например такими, как падеж, род (именной класс), определенность/неопределенность (в русском и др. славянских языках, латинском, древнегреческом, норвежском, языках банту и др.). В языках с разрушенной системой склонения (таких как французский или немецкий) показателем числа может становиться артикль (наряду с определенностью/неопределенностью и др. грамматическими значениями). Так, в

немецком языке для многих существительных лишь форма артикля отличает единственное число от множественного в косвенных падежах, ср. *der Bär* – «медведь» (именительный падеж единственного числа), *die Bären* – «медведи» (именительный падеж множественного числа), но: *des Bären* – «медведя» (родительный падеж единственного числа), *der Bären* (родительный падеж множественного числа), *dem Bären* – «медведю» (дательный падеж единственного числа), *den Bären* (дательный падеж множественного числа).

Из сказанного выше следует, что грамматическая категория числа по своему характеру оказывается различной в зависимости от типологических особенностей языков. Так, в языках синтетически-агглютинативного типа единственное число существительных выражается формой внешне совпадающей с основой. Множественное число чаще всего выражается путем присоединения к основе существительного определенного суффикса, за которым обычно следуют остальные формообразующие суффиксы существительных.

Для категории грамматического числа в языках данного типа характерна необязательность согласования в числе подлежащего и сказуемого.

Языкам же синтетически-флективного типа формальное выражение множественного числа при согласовании является обязательным, а не факультативным, как в языках синтетически-агглютинативного типа.

В языках синтетически-агглютинативного типа категория грамматического числа за некоторыми исключениями охватывает все лексико-грамматические разряды существительных, тогда как в языках синтетически-флективного типа значительное количество существительных (*Singularia tantum* и *Pluralia tantum*) находится вне сферы функционирования этой категории.

Семантическая категория числа представляет собой сложное многоплановое явление, находящее свое проявление на всех языковых уровнях и включает в себя противопоставленные категории единичности/множественности, собирательности/раздельности, исчисляемости/неисчисляемости и др. Следует отметить, что семантическая категория единичности и множественности не тождественна грамматической категории числа. Содержание мыслительной категории количества своеобразно отражается в семантике языка, а затем реализуется многообразными языковыми средствами, принадлежащими различным уровням языковой системы, образуя языковую категорию количества.

Естественный человеческий язык обладает способностью передавать различные аспекты и оттенки значения количества. Так, лексическое значение, возникшее по историческим данным раньше, чем грамматическое, является более конкретным, обладает способностью не только отражать противопоставление «один» – «более чем один», но и характеризовать некие индивидуальные черты и свойства денотата. Более того, оно может также передавать отношение человека к данному денотату, способность человека приписывать различным предметам и явлениям окружающей действительности определенные качества, связанные с тем, как человек воспри-

нимает данный, конкретный предмет, а через него и категорию единичности в целом. Другими словами, наряду со значением единичность/множественность в лексике отражается также и значение категории особенного, входящей в противопоставление единичного, особенного, всеобщего.

Вопрос о соотношении грамматической категории числа и понятийной категории количества до сих пор не исчерпан и представляет собой одну из важнейших проблем современной филологической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Л.: Наука, 1976. – 255 с.
2. Меновщиков Г.А. Способы выражения единичности и множественности в языках различного типа // Вопросы языкознания. 1970. № 1. – М.: «Наука». 1970
3. Мингазова Н.Г. Категория числа имен существительных в английском языке. Монография. – Казань: КФУ, 2012. – 103 с.
4. Мишанова, Ю.В. Категория числа имен существительных в русском и немецком языках // Общество. Личность. Культура: соц.-гуманит. исслед. : сб. науч. тр. / Фил. Санкт-Петербургского гос. инж.-экон. ун-та в г. Белгороде, Белгор. регион. отд-ния РАЕН и МООСДР "Мобилизация и развитие". – Белгород; СПб., 2007. – Вып. 5. – С. 534-543.
5. Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. – М., 1987. – С. 76-87.

ԱՇԽԱՐՀԻ ՄԱՐԴԱԿԵՆՏՏ ԲՈՆ ԵԿԱՐԻ ԱՐՏ ԱՅ ՈՒ ՌԻՍԸ ԹՎԻ Հ ԱՄՍԿԱՐԳՈՒՄ

Ք. Հ. ՄՈՒՐԱՅՑ ԱՆ

Ֆիզիկական կուլտուրայի և սպորտի հայկական պետական ինստիտուտ

Շատ տասնամյակներ շարունակ թվի համակարգը ոչ միայն մաթեմատիկոսների (ինչը միանգամայն բնական է թվում), այլև փիլիսոփաների և լեզվաբանների ուշադրության կենտրոնում է: Թվի քերականական համակարգը միայն առաջին հայացքից բավականին թափանցիկ է թվում: Այս համակարգի առավել մանրակրկիտ քննարկման դեպքում առավել բնորոշ գործոնների պարզագույն վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ քերականական թվի իրական տարբերությունների զուգահեռականությունը համապատասխան քերական երևույթների զգալիորեն խախտվում է: Քանակի քերականական համակարգը և հասկացությունների հարաբերակցության հարցը դեռևս սպառնալից չէ և ժամանակակից բանասիրական գիտության կարևորագույն խնդիրներից մեկն է:

Հիմնաբաներ. Թվի քերականական կարգ, տիպաբանական առանձնահատկություններ, քերականական կարգ, իմաստաբանական կարգ, թվի հասկացությունը տարբեր լեզուներում:

REFLECTION OF THE ANTHROPOCENTRIC PICTURE OF THE WORLD IN THE NUMBER CATEGORY

K. H. MURADYAN

Armenian State Institute of Physical Culture and Sport

The number category has been the focus of attention for many decades not only by mathematicians (which seems quite natural), but also by philosophers and linguists. The grammatical category of a number is only at first glance quite transparent. When this category is considered more carefully, the simplest analysis of the most typical factors shows that the parallelism of real differences in number and corresponding grammatical phenomena is significantly violated. The question of the relationship between the grammatical category of number and the conceptual category of quantity has not yet been exhausted and is one of the most important problems of modern philological science.

Keywords: number category, typological features, grammatical category, semantic category, number concept in different languages.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 27 мая 2018 г., подписана к печати в № 1 (112) 2020 27.12.2018.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ДИНА РУБИНА: ПРОЗА О ЛЮБВИ

Э.Ф. ШАФРАНСКАЯ

Московский городской педагогический университет

В статье рассмотрена тема любви в авторском сборнике прозы Дины Рубиной: два цикла рассказов. На первый взгляд, не все представленные в них тексты повествуют о любви, но, помещенные под обложку с заглавием «Несколько торопливых слов любви», они получают новый импульс и раскрываются неожиданной гранью любовной тематики: мистической, трагической, предательской, а также страстным желанием, но невозможностью любить. Автор статьи обнаруживает связь рубинского повествования с русской классикой, в текстах которой также присутствуют вопросы о непостижимости многих любовных отношений.

Ключевые слова: цикл «Несколько торопливых слов любви», цикл «Ручная кладь», Иерусалим, Холокост, Франц Кафка, тема любви, собака.

1.

Какие темы прежде всего приходят на ум при разговоре о прозе Дины Рубиной? Тема художника, творческой личности, русского еврейства, Ташкента, Иерусалима. Тема любви — в последнюю очередь. Рубина — не «певец любви», хотя любовные перипетии присутствуют почти в каждом ее тексте, но скорее в виде экзистенциальной темы. «Дело не в любви, бог с ней, с любовью, — она мимолетна, как и вся наша жизнь» [5: 138], — говорит сама писательница.

Поэтому сборник короткой прозы «Несколько торопливых слов любви» стоит особняком, самым заглавием Рубина дает установку читателю: о любви!

Дина Рубина не обделена вниманием издателей: помимо романов (главного жанра ее прозы) издаются сборники ее рассказов. Публикаторы тасуют их в разных конфигурациях, вынося на обложку заглавие то одного, то другого рассказа, однако это издательская политика, к поэтике прозы Рубиной не имеющая отношения. Это именно сборники, а не циклы рассказов. А вот «Несколько торопливых слов любви» — первородно предложенная читателю книга автора. Имя книги или ее заглавие, не дублирует ни один из текстов, расположенных под обложкой. Потому будет интересно и продуктивно рассмотреть рассказы в цикле, размещенные под общим авторским названием.

Сборник «Несколько торопливых слов любви» состоит из двух циклов рассказов: собственно «Несколько торопливых слов любви» и «Ручная кладь», а также как будто бы не входящих в циклы текстов «Я и ты под персиковыми облаками», «Высокая вода венецианцев», но, тем не менее, сверстанных под общим *любовным* заглавием сборника.

Заглавие цикла рождает аллюзии — прецеденты любовных повествований в русском дискурсе, активирующих имена и сюжеты русской классики:

Тургенева, Чехова. Кстати, реминисцентно-аллюзивный ряд, сопряженный с русской классикой, заявлен уже в первом рассказе сборника — «Область слепящего света».

Статус «певца идеальной любви» в русской литературе, бесспорно, принадлежит И.С. Тургеневу. Писатель не удостаивает своих персонажей быть счастливыми в любви. Тургенев размышляет об иррациональном в любви и страсти, о таинственной предопределенности многих земных вещей. Логически объяснить и рационально понять, почему, например, Литвинов из романа «Дым» оставляет свою невесту и, как в омут, с головой окунается в страсть к другой женщине, невозможно. Именно это пытается понять Тургенев — натуру, свойства которой фатально неизменны, заранее предопределены «слепой и равнодушной» природой (персонаж романа «Дым» Потугин говорит: «Каким в колыбельку, таким и в могилку» [8: 331]). Точно так же нравственно чистый человек Санин, герой «Вешних вод», оказывается в позорном плену у бездушной Полозовой. Иррациональное в любви волнует и других современников Тургенева: в ряд inferнальных женщин встают Настасья Филипповна («Идиот»), Грушенька («Братья Карамазовы») Достоевского, Катерина Измайлова Лескова. Они не укладываются в прокрустово ложе житейской рациональной логики. Литературные вопросы XIX в. плавно перетекают в XX и XXI в. Механизм любви по-прежнему не разгадан.

Какой концепт любовной темы выстраивает Рубина?

Рассказ «Область слепящего света» отсылает к метатексту — чеховской «Даме с собачкой» (см.: [10]). Контекстуально чеховский и рубинский рассказы образуют некий комплекс, состоящий из вопроса-ответа: открытый финал «Дамы с собачкой» с вопросом «Как? Как?» находит ответ и завершение в рассказе Рубиной: никак, никогда. Чувство, как вспышка, как искра, как что-то из «области слепящего света», недолговечно. В рубинском повествовании его сопровождают трагедии, смерти. Оно остается в воспоминании. При других обстоятельствах яркое, искрометное чувство просто было бы умерщвлено банальным бытом — так видится по прочтении рубинской новеллы. (Хотя это не новость — не случайно сказочные сюжеты мирового фольклора, не проговаривая эту истину, заканчивают любовное повествование неинтригующим и пресным: «Жили они 30 лет и 3 года и умерли в один день». Так и у Рубиной в одном из финальных рассказов цикла — в «Волшебных сказках Шарля Перро»: «А... дальше? <...> — Дальше неинтересно, потому что обыкновенно: выучились, женились, родили троих детей. Сейчас оба уже — врачи, купили кооператив, живут душа в душу...» [5: 90]).

Ничем не примечательные, одни из многих, люди внезапно находят друг друга; банальный флирт вырастает в большое чувство. Чеховский текст помнят все: Чехов не одной деталью настаивает на обычности, неяркости, возможно, даже серости своих героев: «вульгарная лорнетка», на фоне *серых* деталей пейзажа и интерьера любимым платьем Гурова на Анне Сергеевне было *серое*. А вот характеристики персонажей Рубиной: «Он оказался невысоким неярким человеком средних лет», «скромной внешности», заикой;

она — «автор сценариев двух никому не известных документальных фильмов, два неудачных брака, детей нет, сыта по горло, оставьте меня в покое...» [5: 9-10] — распространенный по своей обыденности типаж. Встретились, случилась интрижка, и разойтись бы. Каждый понимал, что больше не увидятся: «А вернешься когда? — спросила она. Он хотел ответить “никогда”, и, в сущности, это было бы правдой» [5: 10].

У Чехова: «Он был растроган, грустен и испытывал легкое раскаяние; ведь эта молодая женщина, с которой он больше уже никогда не увидится...» [9: 137].

Красноречивой деталью обыденности, завершающей любовную сцену у Чехова, стал арбуз: «На столе в номере был арбуз. Гуров отрезал себе ломоть и стал есть не спеша» [9: 134]; у Рубиной — подтекающий кран: «Он поднялся, по-старушечьи накиннув плед на плечи, побрел в кухню. — Действительно подтекает! — крикнул оттуда. После чего кран был забыт навеки...» [5: 10]. Первое любовное свидание, полное страсти, — и такие прозаичные, будничные штрихи, лишённые романтики, так необходимой для стилистики темы.

К герою Рубиной, как и к чеховскому Гурову, приходит осознание и ощущение невозможности существовать без любимой женщины. «Как молодой», — словно в унисон проговаривают и тот, и другой.

И чеховский, и рубинский герои ощущают двойственность свою и окружающих: на виду все притворяются, играют роль. Так, священник в рассказе Рубиной, попавшийся навстречу герою, «перешагивал через лужу, придерживая полу сутаны движением женщины, приподнимающей подол платья» [5: 13]; «она помахала своей растрепанной, как болонка, шапкой...» [5: 13], напомнив ему «даму с собачкой», да и лица своего возлюбленного героя не видит, а только половину, более выразительную, ту, которая освещена любовным светом.

Две жизни у Гурова, тайная и явная: он «с жадностью прочитывал по три газеты в день и говорил, что не читает московских газет из принципа» [9: 138]; «...все, что было для него важно, интересно, необходимо, в чем он был искренен и не обманывал себя, что составляло зерно его жизни, происходило тайно от других...» [9: 143].

Не случайно Гуров, провожая дочь в гимназию, произносит фразу, казалось бы, никак не связанную с сюжетом рассказа: «Теперь три градуса тепла, а между тем идет снег... Но ведь это тепло только на поверхности земли, в верхних же слоях атмосферы совсем другая температура» [9: 143]. Фраза знаковая, метафорическая, она спроецирована особым знанием героя о своей потаенной жизни, но настоящей, полной любви, привязанности. Любви, которая приподнимает героя над буднями, над серостью, в «высшие слои атмосферы», туда, где, по выражению Рубиной, «область слепящего света». Осознанно или волею случая название рассказа Рубиной, повторяемое как рефрен в повествовании, выросло именно из этой метафорической оговорки Гурова. Именно там, «в высших слоях атмосферы», в «области слепящего света», над черепичными крышами Иерусалима происходит

любовное свидание героев Рубиной: «...мы оставим их, беспомощных владык друг друга, разглядывать крыши Иерусалима из-за штор отеля... с высоты двенадцатого этажа...» [5: 12].

Любовь возможна лишь в «области слепящего света», там, где и «небо в алмазах», где поют ангелы, где все «страдания потонут в милосердии», ведь и рубинская героиня «вознеслась» — именно так видит в последний раз рубинский герой свою возлюбленную, поднимающуюся на эскалаторе по пути в самолет.

Фраза, услышанная Гуровым, — «осетрина-то с душком», став знаковой в кульминации его личности, поставила героя вне пошлой, серой обыденности, заставила его мучительно искать выход, возможно, в «область слепящего света». Есть аналог такой интонации и у Рубиной — это финальная фраза, принадлежащая жене героя: «Ну, если ты еще не переоделся, так вынеси мусор» [5: 14]. Звучит страшно, так как герой находится в состоянии ступора: он только что узнал, что самолет, в котором летела его возлюбленная, разбился. Если чеховский финал оставляет надежду, возможность поиска выхода («Как? Как?»), то по-хирургически жестко решен финал у Рубиной: большое, страстное чувство не способно приладиться к будням, к обыденности, оно остается там, в «высших слоях атмосферы» (по Чехову) или в «области слепящего света» (по Рубиной).

Типологически сходной сюжетной развязкой близки к первому два других рассказа цикла — «Бессонница» и «Двое на крыше». Давид из «Бессонницы», любя жену, не пренебрегает, тем не менее, любовными интрижками, об одной узнает жена — накануне отлета в путешествие. Случается катастрофа: жена с сыном погибают. Давид теряет покой: «Не сплю... Совсем не сплю. Никогда» [5: 61]. Любовь к жене была для Давида «стержнем жизни», «...день был хорош или не очень в зависимости от того, в каком настроении Нина просыпалась» [5: 61]. Поистине уютному и любвеобильному существованию Давида приходит конец — может, это возмездие, предпринятое небесной канцелярией, забравшей к себе, в высшие сферы, его жену. «Стоит мне закрыть глаза — она уходит от меня по трапу самолета... <...> И каждую ночь она оборачивается... Она оборачивается и говорит мне: — Давид! Я жду тебя...» [5: 63].

В рассказе «Двое на крыше» представлена семейная драма — причины неизвестны, лишь последовательность: муж вспылил, гнался за женой, застрелил; опомнившись, ужаснулся и застрелился сам. Глазам их дочери, возвращавшейся из школы, и ее спутника предстает уже финальная картина драмы: «...на крыше сарая уплывали в небо мужчина и женщина, погибшие так загадочно и страшно» [5: 65]. Возможно, этому предшествовала любовная сцена — с ревностью, обидами. Возможно, эти мужчина и женщина — те самые юноша и девушка из рассказа «На долгом светофоре» — сложились их жизнь иначе, они вполне могли оказаться на той крыше в тех же позах. Но они *уплывали в небо* — трижды, как рефрен, повторено в небольшом трехстраничном рассказе. Это важно для автора. Это важно для контекста цикла.

Уплывает в небо и героиня рассказа «Мастер-тарабука». Надев на шею колокольчик — как прежде ходили прокаженные, предупреждая об опасности, она уходит, чтобы сесть в самолет и отправиться в высшие сферы. А прежде была любовь, страстная, на всю жизнь: «Несколько столкнувшихся друг о друга взглядов, две-три фразы... <...> минут через двадцать поняли оба, что влипли...» [5: 37–38]. Но, как оказалось, на всю жизнь не бывает. Внешние обстоятельства не могут обойти и эту страстную любовь: вот и брат ее решает с ним познакомиться — «...хочет все испортить, — подумал Митя с досадой» [5: 40]. Сначала она исчезает, а он ее не ищет. Потом Митя получает годовой грант в Италию, что было «захлестнувшим его счастьем», а отношения с Мастер-тарабукой никак для него тогда не вписывались в парадигму счастья, с ней «они почти не виделись... <...> ...даже не помнил — как расставались» [5: 41–42]. По прошествии двух лет, обознавшись, «по внезапному болезненному толчку в груди <он> понял, что немедленно хочет увидеть ее» [5: 42]. *Вдруг* наступило не сразу — прошло время, но «вдруг открылась дверь и вошла она... Он ахнул и оцепенел» [5: 43]. И вот только теперь приходит осознание того давнего чувства: «...почему, почему он уехал без нее, почему жил без нее эти годы и как же теперь загладить свою вину, как не отпустить ее, вот так прижать к себе и уже не отпускать от себя ни на шаг!» [5: 43]. Но время упущено: она ждала, звала, играла на тамбурине, пытаясь вызвать его любовной игрой из странствий. Прошедшее время работало на преграды для любви: Мастер-тарабука заболела СПИДом, «...в одно мгновение он понял — чем она была в его жизни» [5: С. 47], а она: «Я — сколько проживу — буду благодарна тебе за твое лицо тогда... <...> Все-таки я не зря всю жизнь люблю тебя, Митя...» [там же]. Возмездие? — возможно.

К мистическим прочтениям любовных историй цикла примыкает рассказ «Заклятье». Начавшись с вопроса «Вы верите в прорицателей?» [5: 54], «...совершенно в библейском духе: “Твой час настал, ты взвешен на весах и признан легким...”» [5: 55], рассказ заканчивается так, что не поверить нельзя: как напроорочила гадалка, так и случилось. «Она говорит, что раскинула сейчас карты и видит, что мы будем вместе ровно семь лет...» [5: 57]. С наступлением сакраментальной даты-срока оба: он из Парижа в Москву, она из Москвы в Париж — летят навстречу друг другу. Но она не успевает, ей сообщают, что он умер. Отведенный срок любви закончен. Кто его установил? — в этом интрига сюжета.

В рассказе «На долгом светофоре» трагедии-смерти не случается, но любовь-страсть не делает ее участников счастливыми. *Короткая* первая любовь вспоминается героине на *долгом* светофоре: о страсти из области слепящего света исчерпывающе говорит набор тропов, сопровождающий описание недолгой любви: «...обнявшихся с такой неистовой силой, словно через минуту им выпадало расстаться на всю жизнь», «смертельная схватка», «Бурные ночи... <...> Тяжелая и сильная любовь... <...> ...истерзанные неподъемной этой любовью» [5: 16–17]. Окружающим эта пара видится красивой и счастливой. Не может такое чувство жить на земной поверхности — его место в *области*

спящего света, в высших слоях атмосферы, потому завершающим аккордом этой любви становятся два слова: «мимолетный брак». Светофор зажег зеленый свет — пора ехать в «Кулинарию».

Если любовь-страсть, любовь-соревнование этого рассказа из высших, земным умом не постижимых сфер, то в рассказе «Шарфик» нарисованы ровные, свободные, равноправные отношения двоих, один из которых (она) вызывает непреходящее удивление у другого: «...она прыгала с парашютом. Вот что меня еще в ней пугало. Я даже самолетов боюсь. Иногда просыпался ночью и смотрел на нее... Не мог постичь психологию человека...» [5: 27]. Новая грань, новое торопливое слово автора о любви: любовь-удивление, любовь-загадка. И опять решения этой загадки не будет, оно невозможно — героиня остается в *высших слоях атмосферы*: «Сейчас она, поди, с ангелами соревнуется ... <...> Эти парашюты, видите ли, имеют обыкновение иногда... Она просто запуталась в своем последнем шарфике...» [5: 28].

Следующий текст любовного цикла — «В прямом эфире» — рассказ в рассказе от лица двадцатилетней женщины, прошедшей столько испытаний, что ее голос в телефоне звучит как старушечий, хрипчатый. Привычны роли любовного сюжета: он и она, банальная история между ними; в отличие от любви-страсти и любви-загадки, в этом рассказе повествуется о любви-предательстве. Изломанная героиня, с горя ушедшая в загул («блядство, пьянки, марихуана» [5: 33]), поменявшая не только свой социальный статус, моральный облик, но и страну проживания, продолжает любить своего соблазнителя и предателя: «...я его и сейчас люблю и до конца жизни любить буду... <...> когда вышла из больницы и приковыляла к нему на работу, на костылях-то, — ух, как он трусил! — весь пятнами пошел и трусцой на другую сторону улицы!» [5: 32]. В итоге героиня обретает покой: живет по общепринятым нормам. Сначала находит ласку и понимание у хабадников — «...это единственное место и единственная часть общества, где меня готовы принять такой, какая я есть» [5: 35], а затем выходит замуж. Но мужа, по словам героини, она никогда не сможет полюбить, несмотря на то, что он «очень хороший человек, программист, умница» [5: 35], — «Душа-то чужая» [5: 36]. Такова еще одна грань в виде внерациональной загадки — еще одно торопливое слово любви.

Рассказ «И когда она упала...» — прочитай его вне цикла — был бы воспринят как комическая зарисовка из будничной жизни ничем не примечательной молодой женщины, для которой поход в Большой театр — событие, ради него можно пойти на неадекватные поступки: в морозный день остаться с голыми ногами, неприлично себя вести, пытаюсь безбилетной пролезть мимо билетерши, подраться с ней — забавная история, еще больше удивляющая, будучи помещенной в цикл рассказов под недвусмысленным «любовным» заглавием. Ключ к прочтению этого рассказа кроется именно в соседстве с сюжетами о любви — страстной, загадочной, мистической, трагической. Любовь как талант. Кто его раздает? Видимо, главный Творец, по совместительству наделяющий билетами и компостирующий их [6: 10]. Билетов хватает не всем. Не получила его, вероятно, и героиня этого рассказа

Лена Батищева, «чья жизнь — череда безответных или — что еще хуже — ответных любовей...» [5: 66], — с иронией замечает рассказчица. Все свои нерастраченные чувства, а также растраченные на ту «череду» Лена Батищева сублимирует в бесхитростные и искренние жизненные «радости»: «И когда все было кончено... а она упала, — я испытала такое облегчение, такой взлет и безумие, такой душевный простор... каких в жизни не испытывала!..» [5: 68] — иными словами, можно было вернуться домой и лечь в горячую ванну с лавандовым порошком. Чем не счастье?

Рассказы «Голос в метро» и «Гобелен» типологически родственны благодаря приему, который выстраивает их сюжет: реальная деталь портрета, интерьера становится поводом для ретроспективы — в нее укладывается целая жизнь.

В «Голосе в метро» — ожидаемая благодаря заглавию сборника любовная история. Но, в отличие от других рассказов с мистическими и трагическими завязкой или развязкой, этот сюжет повествует о вполне обыденном, «жизненном». Юношеская безответная влюбленность, метонимически оформившаяся в сознании героини как «голос» возлюбленного («...голос — светлого счастливого тембра — ввергал ее в экстаз, сродни молитвенному. Голос был чистой радостью... Стоило ему оказаться поблизости. С ней происходило нечто вроде припадка: горло сжималось в спазме, в висках стучали молотки, колени подгибались. По спине бежали мурашки...» [5: 49]), по прошествии лет исчезает. Новые встречи с бывшим объектом обожания, кроме разочарования и равнодушия, ничего не вызывают: «...он был абсолютно ей безразличен, потому что ничего общего не имел с тем удивительным мальчиком, при звуке голоса которого она цепенела и глохла» [5: 50]. Как-то раз в метро она видит стайку подростков и слышит голос, тот, из юности, и вновь «горло ее сжалось, в висках заколотился пульс, колени ослабели...» [5: 54]. Это *торопливое слово* — о подростковой любви и о любви к своей подростковой любви.

Традиционный для литературы ход: вынесенное ключевое слово заглавия по мере развития сюжета становится деталью, метафорой, символом, концептом. В рассказе «Гобелен» героиня оказывается на спектакле, в декорации которого есть гобелен. Эмоции, охватывающие ее при узнавании картинки на гобелене, столь сильны, что она не видит спектакля, она только слышит его, а именно песни, доносящиеся со сцены и отбивающие в ее внутреннем сюжетевоспоминании десятилетия эпохи и ее собственной жизни. «Едут на-ва-сely па земле целиннай!» [5: 72] — пятидесятые, «А у нас во дворе-е-е... есть девчонка одна-а-а...» [5: 74] — шестидесятые, «Ким, Визбор, Никитины, Галич...» [5: 75] — семидесятые. Воспоминания начинаются чуть ли не с поры младенчества, когда ее кормят из ложки кашей, в итоге охватывают всю жизнь: школьница, первая любовь, несчастливое замужество, рождение ребенка, случайные встречи, второе замужество, взрослая дочь... И все время взгляд цепляется за гобелен на сцене. Четырежды(!) рассказчица останавливает себя, чтобы не дай бог не впасть в сентиментальность, граничащую с пошлостью, чтобы не начать описывать сюжет картины на гобелене.

Когда, наконец, спектакль заканчивается, когда она оказывается дома, когда, вспокоив своим гобеленом всех домочадцев, засыпает, во сне она все же гобелен описывает: «...горы, опутанные тропинками, прекрасные горы вдали белоснежными пиками уносились ввысь, зазывая в лазурь, в небеса, словом, в будущую — упоительную, полную сумасшедших приключений и единственной верной любви, не омраченную жизнью — жизнь» [5: 79].

Таково еще одно *торопливое слово* любви — к жизни, путь к которой лежит через горы, а оттуда — в небеса, в *жизнь*, не омраченную жизнью.

Композиция «Нескольких торопливых слов любви» такова: предложив разные, укладывающиеся в типологический ряд, и совершенно неожиданные — *слова* о любви, автор, приближаясь к завершению цикла, помещает рассказ, заглавие которого содержит желанную, умиротворяющую установку, идущую из глубин культуры — это «Волшебные сказки Шарля Перро». Только сказка может предложить счастливый финал любовного сюжета. В рассказе появляется адаптированный для восприятия аудиторией (не очень обремененной образованием — что мотивировано контекстом рассказа) вариант сказки Шарля Перро. Героиня-рассказчица, находясь в палате родильного дома, осовременивает классическую сказку, вписывая ее в повседневность больничной палаты. Можно сказать, что сюжет рубинского рассказа — разновидность физиологического очерка, основанного на описании быта, аксиологии, фольклора и мифологии современной палаты родильного дома. Например, здесь звучат мысли об иномирном происхождении ребенка, расхожие предвестия о его рождении (см.: [4: 283]), рассказы о снах, где действуют символические образы-вестники будущего ребенка, о приметах (см.: [4: 283–288]).

Все предыдущие сюжеты цикла — *слова* любви — не вписываются в парадигму сказки: счастливая завязка в финале оборачивается трагедией или перетекает в равнодушие, безразличие повседневной жизни. Только сказочная установка, на которую настроены слушатели из «Волшебных сказок Шарля Перро» (скажем: участники фольклорного дискурса), способна породить такой обнадеживающий финал: «Живешь ты, живешь, очумеешь уже от этой говенной жизни, запаршивеешь душой, думаешь, что никакой любви и нет... А она, девочки, есть! Надо только затаиться, ждать и не рыпаться...» [5: С. 90–91].

Практика мирового нарратива — фольклорного и литературного — не проявляет интереса к жизни влюбленных после их благополучного союза, если это не сопряжено с чем-то экстремальным, трагическим, мистическим и проч. Этот феномен дискурсивной практики еще раз подтверждает любовный цикл «Несколько торопливых слов любви», несмотря на парадоксальный (с точки зрения дискурса, но не реальной жизни) призыв, звучащий в финальном рассказе «Такая долгая жизнь»: «А все-таки знаете, — надо любить! Надо влюбляться, сходить с ума, назначать свидания...» [5: С. 91].

Потому этот парадокс — любовь, страсть — так интересен, для литературы, в частности.

Потому эта тема — любви — принадлежит к разряду вечных, то есть нерешаемых.

2.

В сборник «Несколько торопливых слов любви» помещен еще один цикл рассказов — «Ручная кладь». Словосочетание, вынесенное в заглавие, вызывает ассоциацию из набора трансферных услуг. Собственно, все четыре рассказа, включенные в цикл «Ручная кладь», так или иначе сопряжены с путешествием героини-рассказчицы. А «ручной кладью» выступают как предметы, за которыми тянется шлейф семейных анекдотов, историко-культурных реалий. Это музыкальный инструмент, приобретенные во время поездки книги, это и личности, впечатления: «миг, день, сценка, разговор, сильное переживание, прошлогоднее цветение жимолости... то самое “остановись, мгновенье!” ...у нас (писателей. — Э.Ш.), помимо груза собственной жизни, есть еще “дополнительный вес”, разрешенный небесной таможей» [7: 46].

Многочисленные миграционные кульбиты членов семьи рассказчицы в «Альте перелетном» объединены сопровождающим их предметом — музыкальным инструментом, альтом, купленным ради вложения капитала. Сделка по незнанию и неопытности, по невезению в «бизнесе» не приносит прибыли — по пословице: не было у бабы печали, купила баба пороса. Альт оказывается неформатным, неуклюжим, все попытки купли-продажи срываются, дурацкий футляр с альтом, обвязанный бельевой резинкой, вызывает удивление и недоверие. Идут годы. Альт путешествует через моря и океаны в надежде найти нового хозяина и обогатить прежних, которые со временем полюбили этого уродца и встречали его каждый раз как вернувшегося близкого родственника, возвратившегося домой из дальних странствий. И читатель верит, что альт, хоть и перелетный, когда-нибудь обретет свой окончательный дом и успокоится — дом своей постоянной хозяйки, нынешней его владелицы. Такова планида всех героев Рубиной.

Рассказ «Джаз-банд на Карловом мосту» — впечатления путешественника. Само заглавие, содержащее городской топоним, и первое слово в повествовании «Прага» (одна из сильных позиций текста) — первоначально как будто определяют главную тему сюжета — чешская столица, ее достопримечательности, ее дворцы и замки. Но, развиваясь, сюжет делает неожиданный кульбит: главная тема рассказа — это уничтоженное тысячелетнее европейское еврейство (одна из главных тем всей прозы Рубиной).

Однако в этом рассказе она представлена как метафизическое предчувствие катастрофы XX в., предчувствие писателя Франца Кафки, который становится главным персонажем как этого текста Рубиной, так и метатекста Праги.

Ручной кладью рассказчицы оказываются две книжки о писателе: одна — его друга и биографа Макса Брода, вторая — Гаральда Салфеллнера, до комичности неумелый перевод о жизни писателя. Эта ручная кладь играет роль детали, вокруг которой строится сюжет рассказа. В экспозиции есть фраза о том, что Прага населена не только людьми: ангелы и святые, апостолы и мученики, короли, запечатленные в камне, парят в вышине города, на его крышах. Это видимая для туриста, поднявшего голову к небу, история города. Но есть и другая история, скрытая в земле, — это «мертвая

толпа», «великая армия отщепенцев» на еврейском кладбище: «Кажется, что плиты не воткнуты в землю, а, вспоров ее покровы, вкривь и вкось выросли из недр могил» [5: 126]. Среди них — могила Франца Кафки.

«Кафка был Прага, и Прага была Кафка» [5: 128] — косо по форме, но точно по сути сказано в переводной книжке, одной из «ручной кладки».

Если первоначально джаз-банд на Карловом мосту, описанный Рубиной, воспринимается как яркая визитная карточка Праги, то по прочтении кафкианских эпистолярных отрывков у читателя рождаются аллюзии с той, времен Кафки, Прагой. И джаз-банд отныне — это парафраз бродячего еврейского театра, который описан, не без пристрастия, Францем Кафкой в его дневнике.

У Рубины: «На Карловом мосту вы пройдете за раз мимо пяти разноумелых ловцов, под музыку магнитофона ведущих в сетях нитей, свисающих с крестовины, *шутов, королей, хасидов, крестьян и барышень в шляпках, колдунов и ведьм на метлах...*» [5: 124] (курсив мой. — Э.Ш.).

У Кафки: «Если бы я пожелал рассказать о них кому-то... я увидел бы... их... людьми, которые вследствие их особенного положения как раз и находятся вблизи центра общинной жизни, вследствие своего бесполезного созерцательного бродяжничества знают множество песен... Они, кажется, из каждого делают дурака, смеются сразу после убийства благородного еврея, продаются любому отщепенцу, танцуют, в восторге хватаясь за пейсы... и все только потому, что они легки, как перышки... они чувствительны... они лишены малейшего собственного веса, а потому сразу взмывают вверх. ...Они постоянно во весь рост, а часто и на цыпочках, обеими ногами торчат в воздухе впереди на сцене и не снимают напряжения пьесы. А разрезают его» [2: 48].

В дневниковых записях Франца Кафки о бродячем еврейском театре актеры представлены словно те марионетки из рубинского повествования: их тела безмускульны, «привлекает манера выбрасывать кулак, вращать руку... прикладывать растопыренные пальцы к груди... <...> ...резкое выпрямление в полный рост» [2: 68–69]. Кафка признается: «...я пишу о них (артистах) с неизменной любовью» [2: 69]. Размышления Кафки о фольклорной культуре восточноевропейского еврейства — одна из ступеней его неспешной и противоречивой самоидентификации.

Да и *мост* как знаковый локус Праги тоже неслучаен в заглавии: мост в пространстве Франца Кафки — своего рода космогонический центр, не раз упоминаемый им в тех фрагментах дневниковых записей, которые можно считать экзистенциальными: «...мое положение в этом мире ужасно... дорога эта бессмысленна, не ведет ни к какой земной цели (к мосту? Почему именно туда? К тому же я не дошел до него)...» [2: 397].

«Мы заговорили о Кафке, о том, что он сам и все его творчество — гигантская гипербола страха, космическое Предчувствие о том, что все родственники Кафки погибли в концентрационных лагерях, как и все эти немецкие интеллектуалы. Говорили о том, что не умри Кафка от туберкулеза, он погиб бы в лагере, как вся его семья, как Бруно Шульц, Януш Корчак,

Фридл Дикке-Брандайс, — десятки, сотни талантливых людей... Именно здесь, на бывшем немецком курорте, в центре Европы... в середине просвещенного века, в эпоху расцвета техники, кино, промышленности... одни люди из других людей варили мыло и мастерили абажуры и кошельки — в том числе и из немецкоязычных интеллектуалов...» [5: 145].

Тема страха у Кафки, как в дневниках и письмах, так и в художественных текстах, одна из главных. По словам исследователей, тема страха преобладает и в иудаике, но там страх дифференцирован: «...есть страх порочный и страх возвышающий» [3: 36]. «...В Каббале страх в своих высших формах напрямую связан с присутствием Бога в мире» [3: 37]. Его присутствие и пытается обнаружить писатель, все более и более проявляя интерес к иудаистической картине мира. Известны переводческие трактовки фамилии Кафка: галка или ворона — но непременно птица черного цвета. В каббалистическом трактате «Бахир» сказано: «Страх Божий — это высший страх. Он — в ладони Бога. И он является Его Силой. Эта ладонь (КАФ) называется чашей достоинств (КАФ ЗЕХУТ), потому что она склоняет мир к чаше достоинств» [3: 41]. Мистическое (или логическое?) совпадение: каббалистическая семантика корня писательской фамилии *каф* спроецировала и жизнь, и творчество земного человека — Франца Кафки.

Вложенный в «обертку» под названием «Ручная кладь», а затем, как некий сверток, в книжку, носящую имя «Несколько торопливых слов любви», рассказ «Джаз-банд на Карловом мосту» прочитывается как любовный сюжет. Этот ракурс любви — той, которой болел Франц Кафка. Это любовь, которую он искал, обманывая самого себя, вынося себе приговор: «...я покинут вообще... и покинули меня люди, это было бы еще не самое ужасное, я мог бы, пока жив, бежать вслед за ними, но я сам покинул себя, оборвав связь с людьми, мои силы поддерживать связь с людьми покинули меня, я расположен к любящим, но я не могу любить, я слишком далек от всех, я изгнан...» [2: 397].

Очередной рассказа цикла «Ручная кладь» — «Еврейская невеста». Закавыченное автором словосочетание расшифровано в тексте — это картина Рембрандта, одна из многих, представших по ходу сюжета взору персонажей рассказа. Тем не менее смысл «Еврейской невесты» в контексте повествования много шире: для Йоськи, друга семьи рассказчицы, великовозрастного вечного жениха, поиск еврейской невесты — главный модератор во взаимоотношениях с миром. Каждая находка заканчивается одинаково: «Она хотела от меня только деньги. Я порвал с ней без единого слова» [5: 164].

Желание создать семью, найти свою любовь, именно еврейскую невесту, определяет географию поисков Йоськи — переезд в Израиль. В конце концов Йоська смиряется — поиск невесты прекращен: «Все напрасно... Я ловить воздух... Я искать дым... <...> Всякий мужчина ищет своя половина и находит. <...> У меня же просто нет половина... <...> ...она ушла в дым, эта девочка, когда я сидел в пальто и шапке в задней комнате у дяди Говарта и тети Анны... Наверно, ее превратили в пепел, как всех в моя семья... А я не понимал это и все искал и искал ее вся моя жизнь... Теперь хватит, *генук*...»

[5: 174]. Эта отметина — война, Холокост — не проходит со временем, она отзывается в судьбе *еврейского жениха*, в его тревожном характере. Йоську от уничтожения в детстве спасает счастливый случай, точнее добрые люди, голландские крестьяне. «Буквально за неделю до вторжения нацистов в Бельгию старая кухарка их семьи забрала с собой мальчика погостить к своей бездетной сестре в деревню под Роттердамом. Четырехлетнему горожанину Йоське было обещано, что он впервые увидит близко “коровку, лошадей, уток...”». И он действительно насмотрелся на живность вдосталь, так как всю оккупацию добряки крестьяне прятали мальчика в задней холодной комнате своего деревенского дома, одна стена которой была общей с хлевом. Он всегда был тепло одет на всякий случай — если немедленно придется бежать. Все остальные сорок девять человек огромной, разветвленной и блистательной семьи брюссельских профессоров музыки, врачей, докторов права, художников, канторов хоральной синагоги, ювелиров и фабрикантов были вывезены в вагонах для скота в один из лагерей смерти на территории Польши.... Отец, известный бельгийский тенор, в это время гастролировал по Америке. Вернувшись после войны в Бельгию, из всех родственников он нашел только худенького, очень вытянувшегося мальчика в теплой шапке, надвинутой на глаза...» [5: 154–155].

Используемый писателем «матрешечный» заголовочно-цикловый комплекс создает дополнительные смысловые акценты. Включенный в цикл «Ручная кладь», рассказ «Еврейская невеста» декодирует заглавие: именно Йоська становится той *ручной кладью*, довеском, с которым приходится мириться, от которого никуда не деться — ни самому герою («...пожилой Йоскеле, одинокий Адам, сотканный из дыма сожженных жизнью своего рода» [5: 170]), ни его чужим-близким («С первых же дней знакомства смешной чудака из Бельгии стал для нас просто родственником. Утомительным, надоедливым, неотъемлемым, родным» [5: 157], «Я испытывала тоскливое желание, чтобы он уехал как можно скорее» [5: 170]).

Включенный в цикл «Несколько торопливых слов любви» (цикл в цикле), рассказ «Еврейская невеста» достигает верхушки смысловой иерархии — это сюжет о любви, точнее, о желании любви, но невозможности ее — это как род заболевания, когда все слишком запущенно. «Когда я купил этот дом, она (пальма) совсем умирала... Она просила воды. Я дал ей много воды и вот она живет и радуется... Это как человек. Только человек надо много любви...» [5: 161].

Йоськина судьба складывается так не по его вине: он с детства приучен к строгому порядку (сидеть одетым, быть готовым бежать, всегда молчать, таиться), к невозможности жить эмоционально. Он не способен к любви, страсти, так вожделенным им, — интенция этого желания символически выражена картиной Рембрандта.

Эта вынужденная, судьбой сложившаяся двойственность героя подчеркнута в сюжете контрастом: европейский порядок — и библейские страсти, Йоська с его любовью к порядку — и неудача, да и невозможность обретения *еврейской невесты*.

В рассказе есть пассаж, когда взгляд путешественников израильтян случайно выхватывает кусочек интерьера бюргерского дома, ничем не изменившегося, если сравнивать с полотнами голландской живописи XVII в.: «Эта незыблемость мира старой Европы, ее домов, лестниц, каналов и парпетов, яхт на воде и мостов над водой, ее добротная сумрачная основательность так контрастировала с нашим *ослепительным миром резкого прямого света*, с бесслезным — до рези в глазах — пастушьям небом, жестким небом оголенных библейских страстей...» [5: 176] (курсив мой. — Э.Ш.). Выделенная курсивом фраза перекликается с первым рассказом цикла — «Областью слепящего света», в котором повествуется о страсти, внерациональности чувства. Не прямо — аллюзивно повествователь выносит таким образом свой приговор герою. (Подобная антитеза присутствует и в повести «Высокая вода венецианцев»: «Странно отличается здешний (венецианский) колокольный звон от такового в Амстердаме. Там — устойчивость, могучая основательность бюргеров. Здесь — мираж, отражение в воде канала, вопрошающий гул рока...» [5: 274]).

Текст, названный «Иерусалимцы», завершает микроцикл «Ручная кладь». Подзаголовком к рассказу (а также авторским жанровым обозначением) стоит слово *четки*, выполняющее здесь роль метафоры. Четки — это бусинки, зерна, узелки, отсчитывающие молитвы; у рассказчицы Рубиной, с одной стороны, четки — это всегда сопровождающая ее деталь — память о людях, ею встреченных, та самая «ручная кладь»: «Потягиваю пиво, неторопливо перебираю, — как старый араб-торговец перебирает четки своими тусклыми сафьяновыми пальцами, — скользкие за спину густые, тягучие, сдобренные тмином, кардамоном, корицей и ванилью минуты» [5: 183]. С другой стороны — это непосредственно представленные в рассказе портреты иерусалимцев: безымянные горожане, не всегда адекватные, остроумные, ироничные к себе; одержимый писатель-миниатюрист; реальные медийные личности, в частности, афористичный Губерман; переодетая на новый год в дедов морозов группа «наших» велосипедистов; помимо *наших*, свои и пришлые иерусалимцы: сиделка — бывший борец то ли ушу, то ли джиу-джитсу, вяжущий крючком носки; водитель автобуса, марокканец, знающий музыку Малера; британский репатриант; репатриант-немец, мать которого в знак протеста Гитлеру приняла иудаизм; француженка-католичка, на которую так подействовала Библия, что она стала иерусалимкой — по факту и вере. Но *наших* (то есть бывших советских, русскоязычных) в *четках*, нишах памяти рассказчицы, значительно больше: «Что касается правоохранительных органов — в их коридорах можно встретить уже много наших. Причем как по эту, так и по ту сторону закона» [5: 185]. «Русские» уже заседают и в кнессете, в частности они пролоббировали закон по сохранению собак-поводырей для слепых-пенсионеров.

Иерусалим — это «царственный дервиш», «припыленный король городов», «миф сокровенный» [5: 213]. Город, «который пребудет вечно, даже

если распахать его плугом — как это уже бывало, — вечно пребудет, ибо поставлен на скале» [5: 213].

Метафора *дервиш*, мусульманская по происхождению, вполне органична для этого города, начала всех начал: и религий, и религиозных течений. Как дервиш постигает Бога в танце, веселье, так и Иерусалим — город вечного карнавала: «Если долго сидеть, то в какой-то момент начинает казаться, что ты присутствуешь на репетиции некой пьесы и придирчивый режиссер без конца гоняет то просцениуму одну и ту же массовку...» [5: 182]; «...общий карнавалый средиземноморский настрой...» [5: 189]; «Ежегодный парад в День Иерусалима всегда производит впечатление парада-алле на арене цирка» [5: 198]; «...толика безумия входит в духовную субстанцию этого места...» [5: 199]; «Дивная страна! Боже, какая страна — живи, пиши и никогда не испишешься!» [5: 203]; «Могучее кровообращение еврейской истории, связь времен, замкнутость сюжетов, круги и магические узлы судеб...» [5: 204].

Рассказ «Иерусалимцы» совершенно органично находит свое место под обложкой с заглавием «Несколько торопливых слов любви», потому что он — о любви к вечному городу: «...кроме всех других нелепых привязанностей, у меня здесь есть Иерусалим» [5:181].

Налицо еще одна особенность рубинской поэтики: по уже привычному алгоритму последние сцены многих произведений (здесь — цикл «Ручная кладь») — род апофеоза — посвящены Иерусалиму.

Завершает сборник повесть «Высокая вода венецианцев». Образ Венеции — один из главных в повествовании. Он помещен в пространство антитезы. Венеция одновременно объект любви и восхищения: «Бог трудился над этой лагуной. Он был и весел, и бодр, и тоже — полон любви, восторга, сострадания...» [5: 267], «...здесь то и дело кажется, что сердце разорвется от счастья» [5: 272] — и образ, не дающий забыть о бренности как самого города, так и человека: «Иллюзия счастья...» [5: 270], «...этот город... был так же обречен, как и она, а разница в сроках... И это предошущение их общей гибели, общей судьбы — вот что носится здесь над водой каналов. <...> все обречено... обречено, обречено» [5: 283].

Героиня, узнав о своем смертоносном диагнозе и находясь на пределе чувств, не желает расстраивать мужа, которого любит, и, чтобы побыть наедине со своим приговором, оказывается в Венеции — городе счастья и грядущей смерти, ее и города. Венеция предстает ее глазам всеми своими привычными ликами и символами: каналы, гондолы, мосты, соборы, карнавальные маски — обманки, так соответствующие ее амбивалентному настрою. Веселье, праздник, карнавал — и смертельный ужас исходят от масок. И голуби. (Теперь, когда написан роман «Белая голубка Кордовы», реконструктивный взгляд на прозу Рубиной непременно вычленил эту деталь.) Покормив голубей, героиня «так и ходила по площади, как святой Марк» [5: 273].

Голубь в новозаветном тексте — символ Духа святого, а в венецианской традиции выпущенный голубь — предвестник начала карнавальных празд-

неств (механический голубь, взлетая, рассыпает над площадью святого Марка конфетти).

Экстремальной фазой в судьбе героини объясняется ее искрометный роман с венецианским портье Антонио — роман греховный, в далекой по времени экспозиции которого лежит инцестуальная, хоть и платоническая, связь. Молодость, облик, имя любовника-портье материализуют бывшее чувство к покойному двоюродному брату Антону. Случается единственное свидание-страсть, во время которого Антонио обращается к героине: «Так кто же ты? — рассмеялся он, укладывая голову на ее плече. — Что ты за птица? О, какое дивное оперение...» [5: 296]. Эта фраза помещает сюжет повести в литературный метатекст — один смысл цепляется за другой: голубка, сидящая на руке героини, — и любовник, приклонившийся на ее плечо. Но не он голубь, она, героиня, голубка. «Ты белая, белая! — бормотал он по-итальянски» [5: 294].

Белая, птица, оперение — упомянутые внешние детали голубки. В рассказе И.Б. Зингера «Тойбеле и ее демон» героиня носит имя Тойбеле, что в переводе с идиша — голубка: «...она маленькая, светлая, с голубыми глазами...» [1: 3]. Молодой разбитной веселый помощник учителя Алхонон, подслушав раз от Тойбеле рассказанную подружкам историю любви еврейской девушки и демона, решает подшутить над Тойбеле, придя к ней ночью под видом демона. Алхонон влюбляется в нее, и Тойбеле привязывается к нему не на шутку. В том мире, где живут Тойбеле и Алхонон, или демон Хурмиза, эта связь преступная и греховная, а потому становится их тайной. Взаимная любовь дарит им счастье: для Алхонона, не желающего жить по законам еврейского местечка, — это авантюрное любовное приключение, для Тойбеле — связь с потусторонним миром.

Героиня из венецианского повествования Рубиной тоже все время ощущает связь с *другим* миром: «...ее послали сюда затем, чтобы...» [5: 256], «...ее приволокли сюда... подать некий успокаивающий... знак...» [5: 267–268], «И опять ей показалось, что кто-то позаботился об этом неотвязном, бесконечно томительном свидании с покойным братом и ведет и волоком тащит ее по мучительному маршруту с известным, никаким помилованием не отменимым пунктом назначения» [5: 277]. В этом городе, «с его призраками», персонажами картин Тинторетто, Беллини — младенцами с ножками пожилых дам, с ожившими в ее сознании соплеменниками, имена которых выгравированы на мемориальной доске в гетто, обитают трагедийные, так характерные для карнавального пространства фигуры и артефакты: лифтер-арфист, официантка-Буратино, карта ее страны с точным указанием всех израильских локусов, но с несуществующим названием Палестина, и самый главный — «призрак Антоши», ее брата. Такое сгущенное пространство-перевертыш за столь короткий временной отрезок не может не создать ощущения потусторонности. Дьявол-искуситель приходит в *черной* шляпе, с *густыми* бровями, со *смуглыми* кистями рук латинянина, так похожий на любимого когда-то брата и любившего ее. И связь с искусителем не может не случиться — это буквально *несколько*

торопливых слов любви: «Она лежала рядом с этим чужим итальянским мальчиком и чувствовала к нему только ровную сильную нежность, понимая, что это чувство останется с ней до самого конца» [5: 297]. Порочная, тайная, внезапная, стихийная встреча — как природный катаклизм, как аква алта — высокая вода венецианцев, но такая необходимая для нее в этот миг жизни.

Текст под названием «Я и ты под персиковыми облаками» предшествует в сборнике рассмотренной выше повести. Последовательность (здесь) нарушена намеренно. Это «история одной любви, бесконечной любви, не требующей доказательств. ...Любови неослабной...» [5: 217] — к собаке. А завязкой этой любовной истории служит случай, очень похожий на тот, с которого начинается *торопливое любовное* свидание в повести «Высокая вода...». Собственно, здесь как бы делается экзистенциальное обобщение о жизни рубинской Кути (характерное не только для героини из «Высокой воды»): «Ее напасть, роковое, можно сказать, предназначение: всю жизнь подбирала и пристраивала бродячих псов» [5: 289]. Да и сама эта школьная кличка — Кутя — собачья, которая прилипла к ней, потому что она еще во втором классе носилась со своим щенком по школьному двору, подвывая: «К-у-утя, к-у-у-тя...» [5: 242].

«Я и ты под персиковыми облаками» — это признание в любви героини-рассказчицы к своему псу Кондрату — члену семьи, собеседнику, слушателю, родному существу, главное в котором — «красота души». Все его чувства, обиды, желания, амбиции, мужское начало, конечно, очеловечены. Но самым впечатляющим для читателя является финал этого рассказа-портрета. Конечно же, как водится у Рубиной, заключительная панорама повествования — это Иерусалим. Собака — возлюбленный друг героини — не может чувствовать иначе, чем ее хозяйка: они оба замирают на возвышенности под персиковыми облаками, глядя на вечный город. И хозяйка понимает, что придет время расставания: недолг собачий век, но верит, что их встреча состоится — уже в том, другом, так ожидаемом еврейским народом небесном Иерусалиме, который случится по пришествии Мессии, когда восстанет не только ее собака, но все безвинно загубленные, когда, наконец, спустится с небес Третий Храм.

Собачья тема для прозы писателя не маргинальная, она поднимается во многих ее текстах, помимо упомянутых выше, в таких: «Вот идет Мессия!..», «Яблоки из сада Шлицбутера», «На Верхней Масловке», «Ральф и Шурик» и др. В «Иерусалимцах» есть строки: «И только в конце пути поняла, что ехала, поставив ноги на собаку. И поразила ее мудрому смирению, этому великому терпению ради одной, ее единственной жизненной цели – оберегать хозяина» [5: 203].

Образ собаки в иудаистической мифологии, с множеством функций и коннотаций, представлен как нечистое животное. У рубинской же героини, прожившей в разных вавилоноподобных городах/странах, своя позиция, свое — демократическое — отношение к собаке (как, собственно, и к регламентированным социальным институтам, например, к религии): «На нацию нам наплевать, были бы душевные качества подходящие» [5: 217].

Заглавие сборника «Несколько торопливых слов любви» многозначно. С одной стороны, оно указывает на малые жанры прозы, представленной в сборнике, с другой — на истории о скоротечном чувстве любви, на истории о разной любви — трагической, светлой, греховной и проч., на истории о желании, но невозможности любить.

Таковы слова любви сборника Рубиной.

Импровизацией на эту же тему выглядят фрагменты из книги «Больно только когда смеюсь» (сборник интервью, баек, картинок по теме, анекдотов — все из писательской копилки). Рубина отвечает интервьюерам на вопросы о любви: любви как способе жить, таланте любить и быть любимым, идеальной любви, современной любви, назначении любви (любовь — инстинкт или воссоединение с Богом?), ревности, продолжительности любви, женщине — объекте любви и др. Этот текст, в отличие от жанровых повествований, содержит писательские рассуждения — жесткие, открытые, но все равно созвучные с чувствами ее рассказчиц и персонажей.

«Является ли творчество альтернативой любви?

— О, да, да, да! <...> Это и есть своего рода любовь... Это интрига, борьба, ненависть, поражение, победа...» [7: 309], — такова музыкальная кода, звучащая как откровение о любви.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зингер И.Б. Короткая пятница и другие рассказы. СПб.: Ретро, 2004. 319 с.
2. Кафка Ф. Дневники / Пер. с нем. Е.А. Кацевой. М.: АСТ, 2007. 412 с.
3. Курганов Е. О необходимости страха // Семиотика страха: Сб. статей / Сост. Н. Букс и Ф. Конт. М.: Европа, 2005. С. 36–43.
4. Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.
5. Рубина Д.И. Несколько торопливых слов любви: Новеллы. СПб.: Ретро, 2003. 301 с.
6. Рубина Д.И. На солнечной стороне улицы: Роман. М.: Эксмо, 2006. 432 с.
7. Рубина Д.И. Больно только когда смеюсь. М.: Эксмо, 2008. 334 с.
8. Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М.: Наука, 1981. Т. 7. 559 с.
9. Чехов А.П. Полн. собр. соч.: В 30 т. М.: Наука, 1974–83. Т. 10. 496 с.
10. Шафранская Э.Ф. Дина Рубина: продолжение чеховских традиций // Русская словесность. 2003. № 7. С. 70–72.

ԴԻՆԱՌՈՒԲԻՆԱ ԱՐԶԱԿ ՄԵՐՈՄԱՍԻՆ ՄԱՍԻՆ

Է.Ֆ. ՇԱՖՐԱՆՍԿԱՅԱ

Մոռալիսի հարապակիքն անհատիկի և հասարակության

Հոգևորականության և քաղաքականության միջև գոյություն ունեցող հարապակիքի հարցի վերաբերյալ, որը բաղկացած է պատմության ու ներքին երկրի ցեղի կյանքից: Առաջին հարցադրումը այստեղ ներկայացված յուրաքանչյուր տեքստի մասին է, բայց բոլորը միասին, տեղադրված են «Մի քանի շտապ բառեր սիրո» տակ, նրանք բացահայտում են սիրո թեմայի անսպասելի երեսները, երբ սերը խորհրդավոր է, ողբերգա-

կան, դավաճանական և երբ կակրքոտ ցանկություն և սիրելի ունակություն: Հեղինակը բացահայտում է Ռուբինի պատմվածքի և ռուս դասականների միջև կապը, ինչը նաև հարցեր է առաջացնում շատ սիրային հարաբերություններին հասկանալիություն վերաբերյալ:

Հիմնաբառեր. Յիկլ «Մի քանի հապճեպ բառեր», ցիկլ «Ձեռքի ու դերեռ», Երևուսդեմ, Հոլոքոստ, Ֆրանց Գաֆկա, սիրո թեման, շուն:

DINA RUBINA: PROSE ABOUT LOVE

E.F. SHAFRANSKAYA

Moscow City Pedagogical University

The article deals with the theme of love in the Dina Rubina collection of prose, which consists of two cycles of stories. At first glance, not every text presented here is about love, but all together, placed under the title “A Few Hasty Words of Love”, they reveal unexpected facets of the love theme, when love is mystical, tragic, treacherous, and when there is a passionate desire and no ability to love. The author discovers the connection between the Rubin narrative and the Russian classics, which also raises questions about the incomprehensibility of many love relationships.

Key words: cycle “A Few Hasty Words of Love”, cycle “Hand Luggage”, Jerusalem, Holocaust, Franz Kafka, theme of love, dog.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 11 мая 2018 г., подписана к печати в № 1 (112) 2018 27.12.2019.

МЕТОДИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

В.В. МАДОЯН,
С.З. ШЕЙРАНЯН,

*Национальный университет Армении архитектуры и
строительства*

В статье анализируются изменения, которые произошли в языке в постсоветское время. Рассматривается комплекс мер, нацеленных на совершенствование культуры речи студентов на уроках русского языка. Предлагаются виды работ по предупреждению, выявлению и исправлению различного рода ошибок, которые делают речь не только неправильной, но и неясной, неточной, однообразной, логически непоследовательной, бессвязной, невыразительной. Показан языковой механизм типичных речевых ошибок. Цель авторских упражнений – расширить словарный запас студентов, научить их использовать слова со знанием не только их основных значений, но также и оттенков, пользоваться всеми богатствами языка.

Ключевые слова: культура речи, лексика, фонетика, грамматика, стилистика, выразительные средства, развитие речи, иноязычные слова, синонимы, антонимы, словари, упражнения.

Во все времена культура речи считалась неотъемлемой частью общей культуры человека. По справедливому замечанию В.В. Виноградова, «высокая культура разговорной и письменной речи, хорошее знание и чутье родного языка, умение пользоваться его выразительными средствами, его стилистическим многообразием – самая лучшая опора, самое верное подспорье и самая надежная рекомендация для каждого человека в его общественной жизни и творческой деятельности» [1: 19].

Именно поэтому вопросы культуры речи постоянно должны находиться в поле зрения преподавателя-словесника: и при постановке навыков произношения, и при усвоении лексики и фразеологии, и при изучении словообразования и грамматики, и на уроках по развитию речи.

Важнейшим компонентом, формирующим такие качества образцовой речи, как уместность, точность, выразительность, является прежде всего лексика, которая претерпела за последние годы большие изменения. В частности, нашу речь наводнила огромная масса англоязычных слов, а также ненормативных, просторечных слов и выражений (*порнуха, безнадёга, беспредел, висяк, копец, по-любому, по-быстрому* и др.), появились неологизмы (*десоветизация, декоммунизация, ваучер, венчурный, антиглобалист, сило-*

вик, нелегал, гастарбайтер, ваххабизм, ментальность, кондоминиум, кибератака, кикбоксинг, банкомат, нал, автаназия, клонировать и др.), возродилась религиозная лексика (наименования реалий, связанных со спецификой христианского культа, названия православных праздников, церковных чинов и т.д. – евангелие, икона, лавра, монастырь, монах, игумен, пономарь, настоятель, протоиерей, патриарх, прихожане, паства, ладан, мощи, Пасха, Рождество, причастие, исповедь, благодеяние, животворный и многие другие). Кроме того, новым религиозным звучанием наполнились некоторые базовые культурные понятия, такие как *вера, семья, любовь, милосердие, справедливость, жертвенность* и др. «Вернулся» *господин*. В результате социальных изменений и политической переоценки многих фактов и явлений появились новые оттенки значений у уже известных языку лексических единиц: *коммунист, социалист, капиталист, коммерсант, предприниматель, бизнесмен* и др. Совершенно новые значения приобрели слова *пират* (‘человек, занимающийся нелегальным производством и реализацией видео- и аудиопродукции, компьютерных программ’), *окно* (‘часть экрана дисплея компьютера’) и некоторые другие; параллельно произошла их стилистическая переориентация. Целые группы слов перешли в разряд историзмов: *райком, крайком, исполком, совхоз, соцсоревнование, пятилетка, СЭВ, РСФСР, ГАИ* и др. В Российской Федерации слово *милиция* уступило место *полиции*, хотя в ЛНР и ДНР такого переименования не произошло.

Кроме того, в зависимости от позиции говорящего одни и те же реалии могут быть названы по-разному: *революцией* или *переворотом, прогрессом* или *деградацией*. Народы в целом тоже могут иметь разные представления, к примеру, о демократии и ее основополагающих принципах. Так, в Египте *демократия* – это “Братья мусульмане”, в Ираке – ИГИЛ, на Украине – Майдан и поджог людей в Доме профсоюзов в Одессе, в Турции – арест нескольких десятков тысяч учителей, юристов и военных в связи с попыткой переворота, во Франции – похабные карикатуры журнала “Шарли Эбдо”, в Германии – “ночь длинных рук”, в Латвии – марш ветеранов СС (кстати, организации, признанной преступной еще на Нюрнберском процессе). Различными коннотативными значениями постоянно «обрастают» слова *левый* и *правый*, которые, в зависимости от конкретной ситуации, выступают и как положительные, прогрессивные, и как отрицательные, реакционные. В Европе, например, правые партии – националистические: “Национальный фронт” во Франции, “Альтернатива для Германии” в Германии, “Партия Свободы” в Нидерландах, “Золотая заря” в Греции. В России же деятельность “Союза правых сил” не имела и не имеет ничего общего с национальными интересами народа. Один из его лидеров, В.Новодворская характеризовала русских как “глину и быдло” и не скрывала радости по поводу того, что в бывших прибалтийских республиках их “посадили у параша”.

Что касается отмеченной выше заимствованной англоязычной лексики (англицизмы), то она в таком количестве, конечно же, не сохранится в языке. По справедливому замечанию Л.В. Щербы, «все подлинно индивидуальное,

не вытекающее из языковой системы, не заложенное в ней потенциально, не находя себе отклика и даже понимания, безвозвратно гибнет» [2: 28-29].

Значительную часть заимствованной лексики составляют интернационализмы – слова, используемые в разных языках (причем не только в близкородственных), имеющие общий этимон, до степени узнаваемости похожие с ним в звуковом и графическом планах, совпадающие частично или полностью по значению.

Бытует мнение, что интернационализмы усваиваются студентами без особых трудностей. И это действительно так, когда речь идет о чтении текста, особенно научного, где в роли интернационализмов выступают, как правило, однозначные термины. Однако не следует забывать и о том, что многозначные слова далеко не всегда заимствуются во всех имеющихся в языке-источнике значениях – чаще лишь в одном. С другой стороны, однозначное заимствованное слово может приобрести новое значение (и даже не одно), хотя происходит это значительно реже.

И разобраться во всем этом не всегда легко не только студенту, но и опытному лингвисту. Приведем несколько примеров.

Слово *истенблшмент* (в значении «правлящие и привилегированные группы буржуазного общества, а также вся система власти и управления, с помощью которой они осуществляют свое господство» [3: 203] появилось в русском языке в 70-е годы прошлого столетия. Однако уже в новых исторических условиях и особенно во время президентской кампании 2016 года в США слово это «обросло» коннотативным значением и стало символом всего косного, застывшего, реакционного, всего того, что олицетворялось в Хилари Клинтон и ее окружении. Это пример того, как у уже освоенного англицизма появляется новое значение.

Слово *driver* в английском языке имеет 8 значений: 1. Водитель, машинист, вагоновожатый, кучер 2. Гуртовщик, погонщик скота 3. Надсмотрщик за рабами, хозяин-эксплуататор 4. Длинная клюшка для гольфа 5. Первичный двигатель 6. Пятая, шестая или седьмая мачта (шхуны) 7. Ведущее колесо, ведущий шкив 8. Всякий инструмент или приспособление для ввинчивания, завинчивания, вколачивания и т.п. [4: 220]. Однако в русском языке слово *драйвер* используется исключительно в одном значении – «двигатель (науки, культуры, прогресса и т.д.)». Так, выступая по телевидению, А. Чубайс сказал: «Драйверами инновационного развития в России являются компании среднего бизнеса».

Слово *тримминг* (*trimming*) сегодня в русском языке употребляется преимущественно в значении ‘стрижка’. Но вот Д.А. Медведев, ведя переговоры о вхождении России в ВТО, сказал: «Я доволен тем, что мы поставили временные рамки с тем, чтобы не растерять тот позитив, который мы накопили в отношениях с президентом Обамой, и не растворить разговоры о ВТО бесконечными дискуссиями о судьбе курицы и *тримминге* свиней». Дело в том, что в данном контексте слово это было использовано в значении, даже

далеко не во всех словарях английского языка зафиксированном, причем с пометой “специальный термин”, а именно: «мясная обрезь, мясные обрезки».

Попутно отметим, что, конечно же, совершенно абсурдным представляется то, что сегодня для понимания некоторых русских текстов необходимо пользоваться словарями английского языка.

Следует постоянно предостерегать студентов от чрезмерного увлечения иностранными словами особенно в тех случаях, если слова эти не называют каких-либо новых реалий (таких как, например, *ноутбук, смартфон, бутик, чипсы, евро, маркетинг, консалтинг, селфи, кетчуп, ваучер, грант, блог, блоггер, антиглобалист, ваххабизм, венчурный, индексация, клонировать* и др.), а лишь дублируют слова русского литературного языка, что может в итоге привести к вытеснению последних (*мессидж – сообщение; бонус – вознаграждение, премия; стартап – запуск; тикет – билет; ресепшн – приемная; креативный – творческий; офис-менеджер – секретарь(-ша); клинер – уборщик(-ца); нарратив – рассказ; бэкграунд – фон; хавбэк – полузащитник; рефери – судья*). Как справедливо заметил еще в позапрошлом веке П.Калайдович, «синонимы, заключающие в себе силу одинакового знаменования, скоро должны выйти из употребления как слова бесполезные» [5: 11].

В постсоветский период появилось много заимствованных слов, обозначающих специальность и род занятий. Если специальность новая, то заимствование в большинстве случаев оправдано (*дилер, брокер, маклер, продюсер, блоггер, копирайтер, спичрайтер* и др.). Если же специальность далеко не новая и слово для ее обозначения имеется в литературном языке, то заимствование крайне нежелательно. Следует объяснить студентам, что в объявлениях о вакансиях, к примеру, использование подобных слов (*клинер, офис-менеджер, мергендайзер* вместо слов *уборщица, секретарша, товаровед*) преследует цель придать большую значимость данной должности и, в конечном счете, ввести людей в заблуждение. Вместо же знакомой всем еще со школьной скамьи *автобиографии* при поступлении на работу требуют *резюме* или CV, хотя разницу между последними толком объяснить не в состоянии. Тут уместно вспомнить одно довольно резкое высказывание Л.Н. Толстого, который всегда боролся против жонглирования иноязычными словами: «Если бы я был царь, то издал бы закон, что писатель, который употребил слово, значение которого он не может объяснить, лишается права писать и получает сто ударов розог» (Письмо Н.Н. Страхову, 1878, 6 сентября) [6: 48].

Серьезные фонетические претензии можно предъявить таким неблагозвучным для носителя русского языка словам и словосочетаниям, как *стрип-рейсерша, омбудсмен, продакт плейсмент, мергендайзер, эндаумент фон, праймериз* (последнее вдобавок еще и несклоняемое) и др. Фонетический строй и артикуляционная база английского и русского, конечно же, во многом различаются, однако необходимо, чтобы новое слово встраивалось в общую языковую (и, в частности, фонетическую) систему русского языка, соответствовало по своему звучанию требованиям нормированного литературного языка и культуры речи.

Хотя уже давно существуют в русском языке слова *любовник* и *сожитель* ('мужчина, который находится в половой связи с женщиной, не состоя с ней в официальном браке' [7: 294, 662], в последнее время заимствованы также *бой-френд* (из английского) и *кун* (из японского). Слова *любовник* и *сожитель* имели в Советском Союзе откровенно негативный оттенок, на Западе же иметь *бой-френда* – дело престижное и почетное даже в средней школе. Поэтому в данном случае мы имеем дело не просто с заимствованием слова, но также и с заимствованием системы западных ценностей.

Еще один пример. Сравнительно недавно появившееся в русском языке слово *гей*, означающее мужчину, имеющего половые отношения с мужчиной же. Совершенно то же самое значение имеют существующие в языке слова *педераст* и *гомосексуалист*. Отношение к подобным людям в разных странах и в разные периоды истории менялось (их считали извращенцами, больными; относились к ним с брезгливостью, с сочувствием и т.д.). Сейчас во многих странах это едва ли не самые авторитетные люди. Так, будучи кандидатом в президенты Франции, Э.Макрон не потерял ни единого пункта в рейтинге, после того как в СМИ просочилась информация по поводу его нетрадиционной ориентации. Гей-парады же во Франции своей помпезностью давно затмили национальный праздник – День взятия Бастилии.

Общеизвестно, что абсолютные синонимы – явление крайне редкое в языке. Студентам следует постоянно напоминать, что синонимы как правило отличаются оттенками значений (*недуг* – *заболевание* – *хворь* – *недомогание*, *влажный* – *мокрый*); стилистической окраской (*похитить* – *украсть* – *стащить* – *спереть*; *спать* – *почивать* – *дряхнуть*; *взор* – *взгляд*); степенью современности (*этот* – *сей*, *самолет* – *аэроплан*); сферой употребления (*желтуха* – *гепатит*, *родители* – *предки*); степенью сочетаемости с разными словами (*категорически* – *наотрез*, *открыть* – *разинуть*, *черный* – *вороной*); синтаксическими особенностями (*начать* – *приступить*, *лишиться* – *утратить*); степенью сложности (*мало* – *кот наплакал*, *далеко* – *за тридевять земель*, *чистосердечно* – *положа руку на сердце*, *усердно* – *в поте лица*, *выдумать* – *высосать из пальца*) [8: 35-37]. «В языке нет двух или нескольких слов, значащих решительно одно и то же, как две капли воды, – замечает в этой связи Ф.Буслаев. – Даже слова *лоб* и *чело*, *глаза* и *очи*, *вострый* и *острый*, *венец* и *корона* и др., при одинаковом значении, выражают разные оттенки (здесь граница между синонимами и между архаизмами, варваризмами, провинциализмами)» [9: 171]. Иными словами, работая с синонимами, следует гораздо больше внимания обращать на условия и границы их наиболее оправданного, творческого использования, на умение воспринимать и выражать определенные эмоции, различать в речи тончайшие смысловые оттенки языковых значений, на развитие чувства стиля (См. предлагаемые нами упражнения в конце статьи). С методической точки зрения различия между синонимами гораздо важнее их сходств. Между тем, при работе с ними едва ли не единственным заданием, встречающимся во всех без исключения учебниках русского языка (как школьных, так и вузовских) является задание, лишний раз

убеждающее студентов в тождественности этих слов: «Подберите синонимы к следующим словам».

Синонимический способ семантизации научных терминов, используемый многими авторами вузовских учебников, также представляется малоэффективным, так как подбираемые студентами близкие по смыслу слова общелитературного языка не способствуют точному пониманию термина (*амнистия – помилование, анестезия – обезбоживание, ампутация – отнятие, стоимость – цена, экспорт – вывоз, аномалия – отклонение*). В подобных случаях преподавателю следует детально разобрать особенности каждого слова в отдельности.

В лексических упражнениях могут быть учтены и антонимические отношения между словами. Так, чтобы избежать весьма распространенных ошибок типа “*одеть пальто, шапку и т.д.*”, следует объяснить студентам, что в русском языке глагол “**одеть**” антонимичен глаголу “**раздеть**”, а глагол “**надеть**” – глаголу “**снять**”. Поэтому пальто и шапку надевают, а ребенка или больного одевают.

При прохождении темы “Глаголы движения” целесообразно обратить внимание студентов на то, что предлог **в (во)** антонимичен предлогу **из (изо)**, а предлог **на** – предлогу **с(со)**. Это, в свою очередь, поможет предотвратить другую, не менее распространенную в армянской аудитории ошибку: “*Прийти со школы*”.

Отдельно следует оговорить, что к разным значениям многозначного слова антонимы могут быть различные: *густой туман – редкий туман, густая сметана – жидкая сметана; старый адрес – новый адрес, старое дерево – молодое дерево*.

Руководствуясь идеей В.В. Виноградова о том, что «грамматические и лексические формы и значения органически связаны, постоянно влияют друг на друга» [10: 7], мы по возможности стараемся не упускать из виду случаи, когда взаимосвязь лексического значения и грамматической категории проявляется наиболее отчетливо. Приведем несколько примеров. Прилагательное *слепой* в Словаре русского языка С.И.Ожегова имеет следующие значения:

1. Лишенный зрения, способности видеть, незрячий. *Слепой старик*. 2. Безрассудный, действующий или совершающийся без разумного основания. *Слепая любовь*. 3. Неотчетливый, плохо различаемый. *Слепой шрифт*. 4. Совершаемый вслепую, без видимых ориентиров, без участия зрения. *Слепой полет самолета*. [7: 649]. В первых двух значениях данное прилагательное может быть использовано как в полной, так и в краткой форме (*старик слеп, любовь слепа*), в последних двух, специальных значениях – лишь в полной форме. Со словами *шрифт* и *полет* недопустимо использование формы *слеп*.

Слово *муж* в значении ‘мужчина по отношению к женщине, с которой он состоит в браке, супруг’ [7: 322] в именительном падеже множественного числа имеет форму *мужья*. Это же самое слово в значении ‘деятель на к.-н. общественном поприще’ [7: 322] в именительном падеже множественного числа имеет форму *мужьи* (*государственные мужьи, мужьи науки*).

Многие отвлеченные существительные (*украшение, красота, объявление, открытие, углубление, глупость, грубость* и др.) в своем первичном значении не имеют формы множественного числа. Однако те же существительные, употребленные уже в конкретном значении, могут образовывать множественное число (*ёлочные украшения, красоты Джермука, доска объявлений, научные открытия, углубления в почве, делать глупости, говорить грубости*).

Одно из средств повышения культуры речи и речевого мастерства студентов – регулярное обращение к фразеологии, которая способствует обогащению речи образцами народно-авторского речетворчества, повышению грамотности студентов, во многом облегчает конструирование их собственной речи, помогает говорить образно, метко, выразительно, ярко. Преподавателю следует заблаговременно составлять приблизительные списки фразеологических оборотов, которые он собирается использовать в упражнениях типа подбор фразеологизмов с одним общим для них словом (*с легким сердцем, скрепя сердце, сердце не лежит, сердце кровью обливается, сердце радуется* и др.), подбор фразеологизмов-синонимов (*два сапога – пара и одного поля ягоды*) и фразеологизмов-антонимов (*как кошка с собакой и душа в душу*), подбор соответствующих эквивалентов в армянском языке (*себе на уме – թից տեղ չի ցիտիղի, принимать за чистую монету – հիշի՞մ լուրի տեղ ընդունի՞նք, найти общий язык – լեզու գտնի՞նք*), употребление фразеологических оборотов в ситуациях, уточнение их значений в контексте. Задание «Определить значение фразеологизма по нескольким цитатам» представляется нам наиболее трудным, так как для его выполнения требуются определенные навыки сравнения, анализа, обобщения, а также умения абстрагировать и правильно формулировать значения.

Нормы культуры речи на фонетическом уровне – это нормы произношения звуков современного русского литературного языка, постановки ударения, словесного и логического, соблюдения правильной интонации, пауз различной длительности и характера, темпа речи. Студенты должны ясно представлять, что в устной речи правила литературного произношения выполняют функции, аналогичные функциям орфографии на письме. Отступление же от правил литературного произношения всегда отвлекает внимание реципиента от содержания звучащей речи и по большому счету является показателем бескультурья. Образцом культурной речи для студентов в первую очередь должна служить речь преподавателя – речь неспешная, неторопливая, но при этом предельно ясная и отчетливая.

Орфоэпические трудности, на наш взгляд, могут вызвать прежде всего следующие группы слов:

1. Слова, у которых различие в ударении связано с семантическим различием: *языко́вой* (родство) – *языко́вый* (колбаса), *подви́жный* (ребёнок) – *подви́жнóй* (состав), *призы́вной* (возраст) – *призы́вный* (звук трубы);

2. Слова, допускающие различное ударение в разных стилях речи: *ко́мпас* – *компа́с* (проф.), *мизе́рный* – *мизе́рный* (разг.), *комба́йнер* – *комбайне́р* (разг.);

3. Слова, в которых место ударения меняется в зависимости от грамматической формы: *уголь* – *угля́*, *сковорода́* – *ско́вороды*, *судно* – *суда́*, *запломбировать* – *запломбиро́ванный*;

4. Слова иноязычного происхождения, в которых отсутствует редукция безударных гласных (*какао*, *рококо*, *поло*, *кредо*, *боа* и др.);

5. Слова иноязычного происхождения с мягкими и твердыми согласными перед *е*: *темп*, *декан*, *тезисы*, *стенд*, *кашне*, *купе* и др.

Следует также отметить, что ни в вузовском, ни, тем более в школьном преподавании практически не учитывается диалектика развития языка. Ввиду этого язык представляется учащемуся чем-то неизменным, а его нормы – незыблемыми. Поэтому, говоря о нормативном ударении, например, можно отметить, что в слове *августовский* всеми авторами словарей русского языка (толковых, орфографических, орфоэпических и пр.), изданных в советское время, рекомендовалось безальтернативное ударение на гласном *а*, однако сегодня уже допускаются равноправные варианты: *а́вгустовский* и *августо́вский*. В настоящее время в словарях русского языка варианты *ка́мбала* и *камба́ла* приводятся как равноправные, хотя еще совсем недавно считался нормативным лишь первый.

В целом снижают качество речи очень сложные и запутанные фразы; нагромождение причастий; однообразие используемых грамматических конструкций; употребление просторечных слов; неоправданное повторение одних и тех же или родственных слов; смешение слов, похожих по звучанию (*невежа* – *невежда*, *изморозь* – *изморось*, *кампания* – *компания*); неправильное употребление слов с фразеологически связанным значением (“являться красной нитью”, “правда бьет в лицо”, “бить горячим ключом”, “расквасить руку”, “навзрыд говорить”); ошибки в согласовании слов (“множество звезд светились”, “пять учеников подошло к столу”); неправильный порядок слов (“Ньютона закон”, “поле согревает теплыми лучами солнце”); ошибки в управлении при однородных глаголах-сказуемых, каждый из которых требует определенной падежной формы (“Он гордится и любит своего сына”); ошибки в употреблении деепричастий (“выходя из лесу, уже смеркалось”, “Прочтя эту книгу, у меня возникли вопросы”); неуместное и нелогичное употребление слов (“ужасно красивый”, “большая половина”); ошибки при замене прямой речи косвенной, особенно в употреблении местоимений (“Студент ответил, что я не приеду”); многословие, употребление лишних слов (“в апреле месяце”, “самый лучший”, “очень огромный”, “в данный период времени”, “регулярно и систематически”, “первый дебют”, “свой автопортрет”, “моя автобиография”); слов-паразитов (“так сказать”, “в общем”, “собственно говоря”); несуразных словечек, заимствованных из английского (“*вау*”) или дословно переведенных фраз (“это нечто”). Вызывает определенное недоумение активно используемая в последнее время фраза “Я вас услышал”.

Еще М.Горький с возмущением говорил о том, что “язык речевой обогатился такими нелепыми словечками и поговорками, как, например, “мура”, “буза”, “волынить”, “шамать”, “дай пять”, “на большой палец с при-

сыпкой”, “на ять” и т.п.”[11: 662]. Сказано это было в первой половине XX века, а мало что изменилось с тех пор.

Работа по преодолению речевых недочетов в большинстве случаев занимает часть урока, однако, если тема требует этого и время позволяет, можно посвятить данной работе весь урок.

Работа по устранению речевых погрешностей должна вестись в двух направлениях: предупреждение ошибок и работа над ошибками. Ни одна речевая ошибка студента не должна остаться незамеченной.

Особо отметим, что культура речи невозможна без постоянной самостоятельной работы самих студентов. Они должны безошибочно находить уместные, единственно возможные для данного конкретного случая слова, точно знать их лексические значения, грамматические и стилистические характеристики, подбирать однокоренные слова, выявлять многозначность, прямые и переносные значения. Незаменимыми помощниками им в этой работе должны стать различные словари (в первую очередь толковые) и справочники русского языка, которые, по справедливому замечанию Л.И. Скворцова, представляют собой «универсальные пособия по культуре речи» [12: 5].

Сознавая всю сложность проблем, связанных с повышением культуры речи студентов, мы ни в коей мере не претендуем на их исчерпывающее решение в данной статье, но полагаем, однако, что наши замечания могут быть учтены в вузовской методике преподавания русского языка.

В заключение статьи предлагаем несколько эффективных, на наш взгляд, видов упражнений, нацеленных на повышение речевой культуры, воспитание истинного языкового вкуса.

1. Определите, какого падежа требуют следующие синонимичные глаголы. Употребите их в словосочетании.

Опирается (на что-либо) - базироваться (на чем-либо);

препятствовать (чему-либо) – тормозить (что-либо);

побуждать (к чему-либо) - толкать (на что-либо);

торговать (чем-либо) - продавать (что-либо)

2. Определите, что общего в данных синонимах и в чем различие.

Фальшивый – поддельный – сфабрикованный;

гламурный – очаровательный – привлекательный;

беспрецедентный – небывалый – неслыханный;

финальный – конечный – заключительный – завершающий;

конфиденциальный – секретный;

обанкротиться – разориться;

финансы – деньги – капиталы;

финансовый – фискальный.

3. Перепишите, выбирая нужный синоним.

“Книга скорби” Г.Нарекаци, (замечательный, выдающийся) памятник нашей (древний, старинный) литературы, (вырасти, появиться, возникнуть, образоваться) на (плодотворный, плодородный, богатый, изобильный) почве армянской культуры.

4. *Перепишите, выбирая нужный синоним из скобок и расставляя знаки препинания. Мотивируйте свой выбор.*

Взаимная вежливость (необходимый, обязательный) условие (почтительный, уважительный) отношения людей друг к другу а это (содействовать, помогать, способствовать) хорошему самочувствию (всякий, каждый, любой) человека и успешной (коллективный, совместный) работе.

5. *Найдите в армянском языке эквиваленты следующих фразеологизмов.*

1. Сизифов труд. 2. Гордиев узел. 3. Авгиевы конюшни. 4. Ахиллесова пята. 5. Муки Тантала. 6. Дамоклов меч. 7. Бочка Данаид. 8. Буриданов осёл.

6. *Выберите из скобок слово, подходящее для состава данного фразеологического оборота.*

1. Он согласен купить (кота, курицу) в мешке. 2. Вы готовы каждой мелочи придать большое значение, сделать из (комара, мухи) слона. 3. Пляшут под чужую (дудку, флейту) только люди безвольные. 4. Теперь они сами жалеют, что заварили (щи, кашу). 5. Река находится совсем близко отсюда, рукой (подать, достать). 6. Не следует гоняться за двумя (кроликами, зайцами). 7. Из-за нелетной погоды в здании аэровокзала было настоящее вавилонское (столпотворение, строительство).

7. *Объясните разницу в значении предложений.*

1. Эту записку нельзя прочесть. – Эту записку нельзя читать.

2. Окно нельзя открыть. – Окно нельзя открывать.

3. Вам надо принять это лекарство. – Вам надо принимать это лекарство.

4. Зачем вы встали с постели. – Зачем вы вставали с постели.

5. Товарищ взял у меня эту книгу. – Товарищ брал у меня эту книгу.

6. Я открыл окно. – Я открывал окно.

8. *Сравните предложения левого и правого столбцов. Уточните разницу значений.*

1. Он подошел к окну. 1. Он отошел к окну.

2. Мы вошли в сад. 2. Мы вышли в сад.

3. Самолет прилетел в Москву. 3. Самолет улетел в Москву.

4. Брат ушел к другу. 4. Брат пришел к другу.

9. *Выберите один из заключенных в скобки вариантов.*

1. Покупатель примерил (правый туфель – правую туфлю). 2. В этом магазине всегда большой выбор чулок и (носок – носков). 3. Поля раскинулись на территории свыше ста (гектаров – гектар). 4. Отклонения от литературной нормы наблюдаются в (речи – речах) учащихся. 5. Подобный ответ (бессмысленен – бессмыслен). 6. Его сын был (способен – способный) к математике. 7. Он отправился в путешествие с тремя тысячами (четырееста семьдесят – четырьмястами семьюдесятью) тремя рублями. 8. По совету врача пациент (полощет – полоскает) горло раствором три раза в день. 9. Шесть учеников (подошло – подошли) к классному руководителю. 10. Три (соседних – соседние) здания построены недавно. 11. Это магазин (готового платья – по продаже готового платья).

10. Укажите допущенные лексические ошибки. Исправьте и перепишите предложения.

1. Чиновники хладнокровно относятся к тяжелому положению народа.
2. Пожары в тайге появляются потому, что отдыхающие не соблюдают самых элементарных заповедей.
3. Сочинения школьников привлекают своей неопытностью.
4. Заглавная роль в фильме, бесспорно, принадлежит инспектору полиции.

11. Укажите, правильно ли выбрана надежная форма выделенных слов. Аргументируйте свой ответ.

1. Дети не боялись *учительницу*, несмотря на ее строгость.
2. Согласно *распоряжения* ректора экзаменационная сессия начнется 20-ого мая.
3. Вопреки *всех трудностей* экспедиция выполнила задание.
4. По *приезде* в Москву он сейчас же отправился в общежитие.
5. Корабль разбился *о скалах*.
6. С *километра* мы шли молча.

12. Отметьте ошибки, допущенные в образовании и употреблении некоторых слов. Исправьте их.

1. Этот вопрос стоит *внимание*.
2. Я ищу *поддержку*.
3. Рабочие потребовали *повышение* заработной платы.
4. Владельцам этого завода грозит *разорительство*.
5. Этому пациенту сделали *пересадку* косного мозга.
6. Вода в озере была *кристаллической* чистоты.
7. *Спотыкнувшись* о корягу, мальчик упал.

13. Укажите характер допущенных ошибок. Перепишите предложения, исправляя ошибки.

1. На столе стоял полный водой кувшин.
2. Все это говорило за то, что наши спортсмены с честью выступят на предстоящих соревнованиях.
3. О том, каких успехов добилась группа, видно из результатов тестирования.
4. Перед нами сейчас предстоит ответственнойшая проблема.
5. Не следует уделять внимание на каждую мелочь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры // Вопросы языкознания. 1961. № 4. С. 3 – 19.
2. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
3. Словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз., 1988. – 608 с.
4. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. – М.: Рус. яз., 1995. – 880 с.
5. Калайдович П. Рассуждения о синонимах. // Труды Общества любителей русской словесности, 1812, ч. 2.
6. Цит. по кн.: Горбачевич Н.А. Нормы современного русского литературного языка. – М.: Просвещение, 1981. – 208 с.

7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1984. – 816 с.
8. Современный русский язык. – М.: Высш. шк., 1984. – 735 с.
9. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. – Л.: Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1941. – 248 с.
10. Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). – М.-Л.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.
11. Горький М. О литературе. – М.: Советский писатель, 1953. – 868 с.
12. Скворцов Л.И. Культура речи – достояние социалистической культуры. Книга для внеклассного чтения (8 – 10 кл.). – М.: Просвещение, 1981. – 191 с.

ՌԻՍԱՆՈՆԵՐԻ ԽՈՍՔԻ ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ ԲԱՐԵԼ ԱՎՈՒՄԸ ՌՈՒՍԱՅ Լ ԵՍՈՒՆ ՌԻՍՈՒՄՆԱՍԻ ԴՈՒԹՅԱՆ ԳՈՐԸՆԹՅԱՆ ՈՒՄ

Վ.Վ. ՄԱԴՈՅԱՆ, Ս.Զ. ՇԵՅՐԱՆՅԱՆ

*Ճար տար ասլե տո լ թյ ան ե վ շ ի ն ար ար ու թյ ան Հ այ աս տան ի ազ գ այ ի ն
հ ամ ալ ու ար ան*

Հոդվածում վերլուծվում են հետխորհրդային շրջանում լեզվում տեղի ունեցած փոփոխությունները: Դիտարկվում է ռուսաց լեզվի դասերին ուսանողների խոսքի մշակույթի բարելավմանն ուղղված միջոցառումների շարք: Աշխատանքի տեսակները առաջարկվում են կանխելու, բացահայտելու և շտկելու համար տարբեր տեսակի սխալները, որոնք խոսքը դարձնում են ոչ միայն սխալ, այլև անորոշ, անճիշտ, միօրինակ, տրամաբանորեն անհամապատասխան, ոչ արտահայտիչ: Ցուցադրվում է խոսքի բնորոշ սխալների լեզվական մեխանիզմը: Հեղինակները վարժությունների նպատակն է ընդլայնել ուսանողների բառապաշարը, սովորեցնել նրանց օգտագործել բառեր ոչ միայն իրենց հիմնական իմաստների, այլև աներանգների իմացությամբ և խոսքին բնորոշ լիարժեք բովանդակությամբ ունենալով:

Հիմնական եր. խոսքի մշակույթ, բառապաշար, հնչյուն արանություն, քերականություն, ոճարանություն, արտահայտիչ միջոցներ, խոսքի զարգացում, օտար բառեր, հոմանիշներ, հակառակիշներ, բառարաններ, վարժություններ:

IMPROVEMENT OF SPEECH CULTURE OF STUDENTS IN THE PROCESS OF LEARNING THE RUSSIAN LANGUAGE

V.V. MADOYAN, S.Z. SHEYRANYAN

Architecture and Construction National University of Armenia

In the article analyzes the changes, which appear in the language in post-Soviet times. A complex measure of the perfection of the culture of the students of the Russian language is explained. Proposed types of edge after warnings, introductions and corrections of different genealogies, which de-lay word is not so irregular, but also vague, inaccurate, uniform, logically inconsequential, irrelevant. Pokazan йзыковой меанизм ти-пичных веливых ошибок. All authorial practices - expand the vocabulary of students, learn to use words with knowledge not only their basic meanings, but also, to use all the richness of the language.

Key words: culture of words, lexicon, phonetics, grammar, stylistics, expressive means, development of words, foreign languages, syllables, antonyms, dictionaries, manners.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 15 мая 2017 г., подписана к печати в № 1 (112) 2018 27.12.2018.

ОСНОВНЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАНЯТИЙ ПО РКИ С ЦЕЛЬЮ ПОВЫШЕНИЮ ИНТЕРЕСА К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА

**И.А. ОРЕХОВА,
Д.С. ТРУХАНОВА**

Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина

В статье обобщается опыт проведения мероприятий, целью которых является повышение интереса к изучению русского языка и русской культуры в России и за рубежом. Авторы рассматривают методику проведения просветительских мероприятий с целью продвижения русского языка и культуры в России и мире как специфическую область методики преподавания РКИ. Наличие особых целей таких просветительских мероприятий, в том числе методических, указывает на необходимость обозначить методические векторы, определяющие содержание обучения и форматы общения преподавателей и волонтеров с аудиторией. В статье рассматриваются сходства и различия ключевых методических принципов организации просветительской работы преподавателей и волонтеров с другими форматами.

Ключевые слова: РКИ, методические принципы, методика, лингвострановедение, эдьютейнмент, языковая среда.

Проблема повышения интереса к изучению русского языка как проводника русской культуры обсуждается на разных уровнях и в разных контекстах. Для распространения русского языка и культуры, формирования более глубокого представления о России, российской культуры проводится большое количество мероприятий как на территории РФ как многонационального государства, так и за рубежом, в том числе выездных лекций и занятий по РКИ. Накоплен значительный практический опыт проведения занятий подобного формата различными учебными организациями, которым методисты делятся, публикуя учебно-методические комплексы, пособия и научно-методические статьи по итогам участия в разных просветительских проектах. Практика доказывает, что преподавание РКИ с целью повышения мотивации к изучению русского языка и культуры – это небольшая, только формирующаяся, но вместе с тем самостоятельно существующая методическая область, требующая осмысления. В настоящей статье мы хотели бы проанализировать практический опыт наших коллег, систематизировать собственные наблюдения и дефинировать наиболее значимые, на наш взгляд, методические принципы и рекомендации для преподавателей, исследователей и волонтеров, осуществляющих просветительскую деятельность по повышению интереса русской культуре на территории РФ и за рубежом. Вместе с тем мы достаточно часто будем обращаться к опыту проведения мероприятий по

продвижению русского языка в Социалистической республике Вьетнам. На наш взгляд, эта часть АТР имеет значительный нераскрытый потенциал с точки зрения увеличения контингента иностранных учащихся в РФ. Начавшееся во Вьетнаме в конце 40-ых годов XX века обучение русскому языку, процветало в 80-ые и резко пошло на спад в 90-ые. Это связано с тем, что были разорваны многие торгово-экономические связи, снизилась востребованность кадров в разных сферах, владеющих РКИ, уменьшилось число русистов, специализирующихся на работе с вьетнамским контингентом, снизилась активность академических контактов [6]. Русский язык в этот период выживал благодаря усилиям вьетнамских русистов старшего поколения и деятельности таких организаций как Ханойский филиал Института русского языка имени А.С. Пушкина и др. Сегодня количество вьетнамских учащихся, интересующихся русским языком невелико, но отмечается тенденция увеличения вьетнамского контингента в российских вузах, российское образование рассматривается как довольно престижное во Вьетнаме [7].

Главной задачей проведения занятия по РКИ просветительской направленности является не столько развитие комплексной коммуникативной компетенции изучающих русский язык школьников, студентов и взрослых, сколько повышение мотивации к изучению русского языка и культуры, формирования объективного образа современной российской культуры и современного россиянина. Эта сверхметодическая цель определяет собственно методическую: нам представляется, что знакомство с русской культурой, российской действительностью и повышение интереса к русскому языку должно осуществляться посредством расширения лингвокультурной компетенции учащихся. Особенности организации работы российских преподавателей и волонтеров также влияют на определение методической цели и способов её достижения: просветительские мероприятия по привлечению внимания к проблемам функционирования русского языка, как правило, проводятся в достаточно короткие сроки в разных странах на площадках разного уровня. Сжатые сроки, отсутствие постоянной локации проведения мероприятий и смешанная разноуровневая аудитория также позволяют выделить именно работу над развитием лингвокультурной компетенции учащихся как приоритет.

Очевидно, что методические принципы организации занятий по РКИ просветительского характера связаны с основными методическими принципами преподавания РКИ. Количество и номинации принципов в разных исследованиях неодинаковы, мы напомним основные: общедидактические (сознательность, наглядность, прочность, доступность, посильность, систематичность и последовательность, активность, коллективность, проблемность, развивающее обучение, креативность), лингвистические (системность, концентризм, разграничение явлений на уровне языка и речи, функциональность, стилистическая дифференциация, минимизация, ситуативно-тематическая организация материала, изучение лексики и грамматики на синтаксической основе), психологические (мотивация, поэтапное формирование знаний, навыков, умений, учёт индивидуально-психологических особенностей личности

учащихся) и частнометодические принципы (учёта родного языка и культуры, принцип коммуникативности, взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности, принцип устного опережения).

Перечисленные выше методические принципы и способы их реализации на практике достаточно хорошо описаны в исследованиях (Х. Абовян, А.Р. Арутюнов, А.А. Акишина, Э.Г. Азимов, М.Н. Вятютнев, Б.М. Есаджанян, А.А. Леонтьев, Ю.К. Бабанский, В.В. Воробьев, И.А. Зимняя, И.П. Лысакова, Л.В. Московкин, А.Н. Щукин и мн.др.).

Мы не претендуем на кардинальную методическую новизну нашей работы, но хотим расставить методические акценты, на которые следует обратить внимание преподавателям и волонтерам, принимающим участие в проектах по повышению интереса к изучению русского языка. Рассмотрим подробнее те принципы, которые нам кажутся наиболее значимыми.

Принцип учета родного языка и культуры учащихся. Занятия по РКИ, связанные с повышением внимания к проблемам функционирования русского языка, проводятся, как правило, в мононациональных группах (в одной стране, в одном регионе), поэтому принцип учёта родного языка и культуры необходим и при отборе содержания обучения на тематическом уровне, и при презентации лексико-грамматического материала. Если вернуться к проблеме проведения просветительских мероприятий во Вьетнаме, о которой мы писали выше, то стоит обратить внимание не только на типологические различия русского и вьетнамского, но, в первую очередь, на трудности в овладении вьетнамскими учащимися русскими фонетической и интонационной системами. Хроническими проблемами вьетнамских учащихся являются, например, неразличение [ж] и [р], [с] и [ц], [ш], неразличение твердых и мягких согласных, неразличение гласных [ы] и [и], неразличение интонационных конструкций и способов выражения разных типов модальности с помощью интонации. Реализовать корректировочный курс фонетики в краткие сроки невозможно, но учитывать фонетические трудности вьетнамских учащихся необходимо. Также преподавателям и волонтерам необходимо быть готовыми к коммуникативным неудачам, вызванным фонетическими трудностями.

Принцип коммуникативности. Выше мы отмечали, что качественное изменение коммуникативной компетенции при проведении занятий по продвижению русского языка невозможно, основной акцент должен быть сделан на развитии лингвокультурной компетенции учащихся и расширении их ряда фоновых знаний, вместе с тем мы хотели бы сделать два замечания. Во-первых, хотим подчеркнуть, что коммуникативная значимость (по возможности) должна быть одним из критериев отбора материала для организации занятия (учет возраста учащихся, их интересов). Так, с вьетнамскими школьниками целесообразным было обсуждение русских мультфильмов, а со студентами – современной русской музыкальной культуры. Во-вторых, в рамках занятий, цель которых – повышение интереса к русскому языку, нельзя развить навыки монологической и диалогической речи даже в одной из тем общения, но необходимо приложить усилия к тому, чтобы учащиеся почувствовали, что могут общаться на рус-

ском языке, так как переживание успеха является, как известно, эффективной положительной мотивацией. Возможность успешного «истинного общения» с носителем языка имеет большой мотивационный потенциал для дальнейшего изучения русского языка и культуры за рубежом. В связи с вышесказанным методически оправданной представляется работа с речевыми стереотипами и актуальными лексико-грамматическими структурами на крайне ограниченном материале в рамках одной-двух актуальных для конкретной аудитории ситуаций общения.

Принцип взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности при проведении просветительских занятий по РКИ, как правило, нарушается. Приоритетными являются говорение и аудирование.

Принцип наглядности. Понятие «наглядность» осмыслялось многими методистами, многообразие наглядности и её методическая полифункциональность в организации обучения РКИ очевидна. В контексте решения обозначенной выше методической задачи особое значение приобретает возможность за счет наглядности «дать живой красочный образец», «расширить чувственный опыт», «обогащить впечатления – словом, сделать более конкретным, более реально и точно представленным тот или иной круг явлений» [1]. Реализовать принцип наглядности в рамках просветительских мероприятий можно и нужно не только за счет фото, аудио и видео, по возможности необходимо реализовать тактильный контакт. Возможность прикоснуться к русской культуре в прямом смысле вызывает у аудитории массу положительных эмоций. Живой отклик получают небольшие выставки, которые позволяют взять в руки различные предметы русской культуры и быта. Обратим внимание, что речь идет не только о национальных символах вроде платка, матрёшки, ёлочной игрушки или пряника. Организуя просветительские занятия, построенные в основном на работе с культурно значимым лингвострановедческим материалом, не стоит забывать, что значимыми являются и современные явления русской культуры.

С учетом сказанного выше мы настаиваем на необходимости соблюдения **принципа презентации языковой среды** при реализации просветительских проектов по РКИ. Понятие «языковая среда» разрабатывалось лингвистами и методистами в разных научно-исследовательских парадигмах. С точки зрения методики преподавания иностранных языков, под термином «языковая среда» понимают окружение, в котором происходит овладение иностранным языком. Обучение языку посредством погружения в языковую среду как объективную данность стало широко обсуждаться в 60-ые годы XX века. Вопросам рассмотрения обучающего потенциала языковой среды в методике преподавания русского языка как иностранного посвящены работы многих исследователей (Н.В. Андреева, В.В. Беспаленко, Л.Н. Бойко, И.П. Бондаренко, О.П. Быкова, И. Добренёва, Г. Донченко, А.В. Друзь, Н.А. Журавлева, Е.В. Нечаева, И.А. Ореховой, А.Н. Щукиным и др.). Под языковой средой мы понимаем «естественный, исторически конкретный лингвокультурный социум, представляющий собой сферу функционирования русского языка во всех его формах и разнообразии

стилей и средств выражения» [5]. Мы оперируем термином «реальная языковая среда», акцентируя внимание на том, что язык изучается не в отрыве, а внутри системы его функционирования, окружающей реципиента. Презентация фрагментов аутентичных русских аудио- и видеоряда, частично восполняющих лакуны в актуальных фоновых знаниях и расширяющих коммуникативную компетенцию учащихся, изучающих русский язык вне языковой среды, позволяет мотивировать учащихся на дальнейшее обучение, а также позволяет представить Россию как стратегического партнера. Это особенно актуально в ситуации резко сниженного интереса к изучению русского языка по сравнению со временем существования СССР, а также удивительной живучести стереотипов о России времен застоя и 90-ых. При отборе фрагментов языковой среды для учащихся необходимо учитывать их реальные прагматические потребности. Например, во вьетнамской студенческой аудитории вызвала интерес работа с аудиофрагментами диалогов, в которых сверстников вьетнамских студентов идут в кино, а также фрагменты, показывающие российских студентов на занятии в аудитории. Живой интерес вызывает актуальная лексика языковой среды. Очевидно, что лексическое наполнение просветительских занятий (даже при максимальном ограничении) будет избыточным, но это неизбежно.

Для нивелирования лакун в представлении учащихся о русской языковой среде нужно и необходимо использовать потенциал виртуальной языковой среды с помощью технических средств. Вместе с тем, готовясь к проведению мероприятий по повышению интереса к изучению русского языка в незнакомой аудитории, следует учесть, что все материалы, использование которых необходимо для проведения определенного занятия, должны быть подготовлены заранее. Лучше исключить те материалы, которые не могут быть воспроизведены офлайн. Заблаговременно стоит подумать и о том, какие технические средства необходимы, есть ли они в наличии в планируемом месте проведения занятий. Кроме того, необходим баланс и живое общение с носителем языка порой вызывает у учащихся больший интерес.

С обозначенным выше принципом связан принцип **демонстрации прагматики изучения русского языка**. Известно, что в странах СНГ мотивами изучения РКИ являются торгово-экономические отношения и образование, в странах Латинской Америки – военные связи и образование, в странах Юго-Восточной Азии – экономические, военные связи, образование, в странах арабского мира – военные связи, туризм, образование, работа и т.д. Именно знание о прагматическом результате, который может дать изучение русского языка конкретной аудитории, должно во многом определять содержание обучения на занятиях по РКИ с целью мотивации к изучению русского языка. Так, например, во вьетнамской аудитории у студентов вызвало интерес занятие по аудированию, построенное на интервью, в котором в числе нескольких студентов из разных стран выступала студентка из Вьетнама, работающая в российских и вьетнамских СМИ.

Учёт методических традиций обучения иностранным языкам и РКИ в частности в регионе, где организуются занятия по РКИ. При организации

учебной коммуникации, особенно в формате диалога, с учащимися стран АТР можно столкнуться с трудностями, вызванными особенностями национальной методики преподавания РКИ. Так, например, методические традиции вьетнамских школ и вузов связаны с большой наполняемостью учебных групп и классов, небольшой долей коммуникативных упражнений и относительно редким обращением к актуальным аутентичным материалам, что порождает у вьетнамских учащихся довольно большой пассивный словарный запас и недостаточное владение грамматическими структурами. Эти особенности обучения вьетнамских школьников и студентов диктуют методические решения: ориентация на максимальное использование заданий по говорению, активизирующих пассивный лексико-грамматический запас, использование аутентичных материалов с целью расширения актуального тезауруса. Ещё одной особенностью является неумение учащихся из Вьетнама пользоваться широким методическим набором способов семантизации незнакомой лексики (зависимость от электронных словарей), учёт этой особенности влияет на организацию учебного процесса. Готовясь к проведению просветительских занятий за рубежом, очевидно, следует изучить сильные и слабые стороны национальных особенностей преподавания иностранных языков в регионе.

Лингвокультурный эдьютейнмент. Занятия по РКИ в контексте обозначенной выше методической сверхзадачи погружения в страну изучаемого языка должны строиться с учётом двух подходов к обучению иностранным языкам: лингвострановедческому и эдьютейнменту (от англ. “edutainment” – “education” + “entertainment” – развлекательное обучение). Под первым подходом понимается постижение языка через культурный и исторический фон, под вторым – сочетание обучения с развлекательными материалами [4]. Лингвострановедческий материал определяет содержание просветительского занятия, а эдьютейнмент его форму, что также стоит обсудить отдельно.

Проблема выбора формы проведения занятия по РКИ. Как показывает опыт, при проведении просветительских занятий по РКИ приоритет должен быть отдан нестандартным формам взаимодействия преподавателя с учащимися. Хорошо зарекомендовали себя проектные задания, так как реализовать в рамках, как правило, короткой просветительской поездки полноценный проект практически невозможно [8]. Примерами таких проектных заданий могут стать обсуждение, создание и презентация открыток к разным праздникам и сувениров, обсуждение, составление и презентация меню для национального праздничного обеда или кафе национальной кухни, составление туристического маршрута, экскурсии по культурно значимому месту, составление инфографик на разные темы и т.д. Особо подчеркнём значимость заданий на включение механизма компарации культур с акцентом не только на их различиях, но и на сходствах. Например, обсуждая во вьетнамской аудитории подготовку к празднованию Нового года, мы обратили внимание учащихся, что, не смотря на разницу в традициях, и вьетнамцы, и русские считают Новый год семейным домашним праздником. Занятие было построено следующим образом: знакомство с русскими новогодними традициями на

материале аудирования, обсуждение русских и вьетнамских новогодних атрибутов и традиций, работа в мини-группах по созданию инфографик «Русский год в России и Вьетнаме» на русском языке. Проведение аналогий (место для встречи Нового года, занятия детей и взрослых, основные блюда, символы праздника) позволило выделить ряд глобальных сходств между русским и вьетнамским новым годом. Надо отметить, что методические традиции многих стран исключают подобные форматы работы или проводятся в менее творческой атмосфере. Преподавателю и волонтеру необходимо быть готовыми к тому, что часть учебного времени будет занимать именно объяснение формата работы и решение организационных вопросов.

При проведении просветительских занятий важно использование игровых технологий, викторин, квизов, квестов. Особую роль играют также форматы, больше характерные для организации воспитательной и внеаудиторной работы с учащимися, например, совместное разучивание песен, изучение народных танцев, проведение мастер-классов по изучению национальных традиций и ремесел. Конечно, вводя такие форматы работы, не стоит забывать о языковом наполнении урока. Работа с песней прекрасно позволяет проработать фонетические трудности, викторины и квизы на русском языке позволяют развить навыки аудирования и расширить лингвокультурный тезаурус учащихся, изучение народного танца позволяет изучить и отработать употребление ряда глаголов и наречий.

Подготовка эксклюзивных методических материалов. Важно также подчеркнуть, что проведение просветительских занятий по классическим учебникам не способствует вовлечению в процесс обучения. У преподавателей и волонтеров просветительских проектов другая задача – продемонстрировать на примере собственной работы и собственных учебных материалов, что учебный процесс на русском языке может заинтриговать, увлечь. Кроме того, надо признать, что ощущается серьезный дефицит новейших изданий по русскому языку как иностранному (РКИ), созданных российскими методистами в соавторстве с национальными авторскими коллективами.

Адаптируемость материалов. Постулируя этот принцип, мы опирались на опыт проведения занятий в разных странах (Вьетнам, Польша, Хорватия, страны СНГ и др.). Хотя сегодня во всем мире формально действует система оценивания уровня владения РКИ по государственной системе тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку, включающей 6 уровней общего владения РКИ, по факту же ситуация более сложная. При проведении мероприятий по привлечению внимания к русскому языку и культуре в России и за рубежом преподаватели и волонтеры часто не имеют возможности заранее познакомиться с контингентом, тем более определить его уровень владения РКИ. Необходимо попасть точно в цель с первого раза. Конечно, это требует определенных навыков от преподавателя, но общей рекомендацией будет подготовка таких видов работ, которые можно заполнить лексико-грамматическим материалом, ориентированным на разный уровень. Материал должен быть подготовлен заранее так, чтобы работу можно было перестроить в короткие

сроки. Приведем пример из разработок на тему «Праздники в России», апробированных во Вьетнамской аудитории. Мы подготовили сразу несколько уроков, чтобы иметь возможность ориентироваться в ситуации. Первый тип уроков – построенный вокруг одного праздника. Мы выбрали Новый год. Подготовили несколько вопросов, чтобы проверить уровень фоновых знаний учащихся (дата, названия основных атрибутов, героев праздника и т.д.). Далее познакомили студентов с традициями празднования Нового года на материале текста для аудирования, а далее подготовили несколько вариантов заданий – создание и презентация новогодней открытки, обсуждение вьетнамских традиций празднования нового года и сравнение их с русскими. Материалы для обоих вариантов проведения урока мы взяли с собой, решение о выборе контрольного задания для учащихся мы принимали уже непосредственно на уроке, наблюдая за процессом работы учащихся. Вместе с тем отметим, что в разных странах ситуация с изучением русского языка отличается, поэтому методисты могут встретиться с необходимостью проведения занятий для учащихся как с высоким уровнем владения, так и с низким. Для вьетнамской аудитории наиболее актуальны материалы, ориентированные на уровень А1-А2.

Таким образом, анализ практического опыта проведения занятий по РКИ с целью повышения интереса к изучению русского языка показал, что можно выделить некоторые общие методические принципы их организации, которые позволят повысить эффективность обучения. Хотя мы обращались к опыту проведения занятий в стране АТР, подчеркнем, что наши рекомендации носят универсальный характер, могут использоваться, должны учитываться при организации подобной работы и в странах СНГ, и в европейских странах, и др. Мы не претендуем на полное теоретическое обобщение работы преподавателей-практиков, исследователей и волонтеров, мы лишь стремились обозначить методическую проблему и призвать специалистов объединить усилия для её решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Леонтьев А.Н.* О внимании и наглядности // *Возрастная и педагогическая психология: хрестоматия: учебное пособие* / Сост. И.В. Дубровина, А.М. Прихожан, В.В. Зацепин. – М.: Академия, 1999. – С. 142-149.
2. *Орехова И.А.* Роль языковой среды в формировании вторичной языковой личности // *Динамика языковых и культурных процессов в современной России*. – 2018. – № 6. – С. 1643-1646.
3. *Ускова О.А., Саакян Л.Н.* Мир говорит на русском языке (теоретические и прикладные аспекты обучения русскому языку как иностранному): учебно-методическое пособие. – М.: Русская Речь, 2019. – 176 с.
4. *Рублёва Е.В.* Новая парадигма обучения или просто развлечение? Цели образования в XXI веке // *Вестник совета молодых ученых: сб. науч. тр.* – Орск: Изд-во Орского гум.-технолог. ин-та, 2013. – Вып. 4. – С. 223-227.
5. *Орехова И.А., Труханова Д.С.* Виртуальная языковая среда и её роль в организации натурального урока // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*. – 2016. – № 4 (21). – С. 183-189.
6. *Открытые уроки русского языка во Вьетнаме. Учебно-методический комплекс*. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2019. – 54 с.

7. Аналитический обзор ключевых проблем экспорта отечественного образования на русском языке / под ред. А.А. Мальцевой. – Тверь: Тверской государственный университет, 2017. – 38 с.
8. Филиппова В.М. Лингводидактический потенциал метода проектов и его реализация в преподавании РКИ: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педагогических наук. – Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. М., 2019. – 22 с.

ՌՈՒՄԵՐԵՆԸ՝ ՈՐՊԵՍՕՏԱՐ ԼԵԶՈՒ ԴԱՍԸՆԹԱՅՆԵՐԻ ԿԱԶՄԱԿԵՐՊՄԱՆ ՀԻՄՆԱԿԱՆ ՄԵԹՈԴԱԿԱՆ ՄԱԶԲՈՒՆՔՆԵՐԸ ՌՈՒՍՍՅ ԼԵԶՎԻ ՌԻՍՈՒՑ ՌԻՍԸ ՀԵՏԱՔՐՔԻՐ ԴԱՐՁՆԵԼ ՈՒ ՆՊԱՏ ՄԿ ՈՒՆԵՆԱԼ ՈՎ

Ի. Ա. ՕՐԵԽՈՎԱ Դ. Ս. ՏՐՈՒԽԱՆՈՎԱ

Ա.Ա. Պոլիշկինի անվան Ռուսաց լեզվի պետական ինստիտուտ

Հոդվածում ամփոփված է միջոցառումների անցկացման փորձը, որի նպատակն է ավելացնել հետաքրքրությունը Ռուսաստանում և արտերկրում ուսաց լեզվի և ուսական մշակույթի ուսումնասիրության նկատմամբ: Հեղինակները համարում են կրթական գործունեության իրականացման մեթոդաբանությունը՝ Ռուսաստանում և աշխարհում ուսաց լեզուն և մշակույթը խթանելու համար, ուսերենը՝ որպես օտար լեզու ուսուցման մեթոդաբանության հատուկ ոլորտ: Նման կրթական միջոցառումների հատուկ նպատակն էրիտանությունը, այդ թվում՝ մեթոդական, ցույց է տալիս մեթոդական վեկտորների որոշման անհրաժեշտությունը, որոնք որոշում են ուսուցման բովանդակությունը և լսարանի հետ հաղորդակցության ձևերը: Հոդվածում քննարկվում են ուսուցիչների և կամավորների կրթական աշխատանքի այլ ձևերի կազմակերպման հիմնական մեթոդաբանական նմանություններն ու տարբերությունները:

Հիմնադրամեր. որպես օտար լեզու (РКИ), մեթոդաբանական սկզբունքներ, մեթոդաբանություն, լեզվամշակութային ուսումնասիրություն, կրթություն, լեզվական միջավայր:

BASIC METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF ORGANIZING THE RFL LESSONS WITH THE AIM OF INCREASING INTEREST TO RUSSIAN LANGUAGE

OREKHOVA A' IRINA, TRUKHANOVA S' DARIA

Pushkin State Russian Language Institute

The paper summarizes the experience of organizing events, the purpose of which is to increase interest to Russian language and Russian culture in Russia and abroad. The authors consider the methodology of conducting educational events to promote the Russian language and culture in Russia and abroad as a specific area of RFL methodic studies. Specific goals of such educational events, including methodic ones, rationalized the need to identify methodic vectors that determine the content of educational these events and the formats of communication between teachers or volunteers, who conduct such events, with the audience. The article discusses the similarities and differences of the key methodic principles of organizing enlightening educational projects with other formats.

Key words: *RFL, methodological principles, methods, culture-through-language studies, edutainment, language environment.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 1 августа 2018 г., подписана к печати в № 1 (112) 2018 27.12.2018.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ**ТЕКСТ КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА:
О НОВОМ УЧЕБНИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ВУЗОВ
АРМЕНИИ**

(Акопян А.В. Русский язык (для отделений французского языка вузов
Армении). Ереван, 2020. – 256 с.)

А.М. АМИРХАНЯН

АГПУ им. Х.Абовяна,

Г.Г. БАРИКЯН

Французский университет,

И.В. ПРИОРОВА

Сямыньский университет (КНР)

Учебник Акопян А.В. «Русский язык» адресуется студентам вузов Армении, изучающим французский язык как первый иностранный с необходимым для коммуникации знанием второго иностранного – русского языка. Обучение русскому языку как средству общения в предлагаемом учебнике максимально связано с лингвострановедческими познавательными потребностями и интересами учащихся. Материал учебника предоставляет возможность создать наиболее полное представление о Франции как об одной из самых культурно и исторически развитых европейских стран и является достаточно информативным в связи с культурологической основой обучения иностранному языку.

Структура всех уроков разработана по единому принципу, что является преимуществом предлагаемого учебника, облегчающим как самостоятельную работу студента, так и подготовку преподавателя к занятию. Учебник состоит из 18 уроков и раздела "Грамматика в таблицах". Каждая тема (урок) состоит из одного или нескольких текстов, сопровождающихся толковыми и двуязычными (русско-армянскими) словарями, тематическими и творческими заданиями, а также грамматическими упражнениями со ссылками на соответствующие таблицы из актуального для обучения РКИ раздела "Грамматика в таблицах". Все темы-уроки завершаются дополняющими основную информацию билингвальными развивающими заданиями (тексты на армянском языке для устного или письменного пересказа на русский). Включение разнообразных типов заданий улучшает комплексный подход в

изучении русского языка, поскольку формирование культурологической компетенции студентов неразрывно связано с коммуникативными навыками в освоении русской речи.

Акопян А.В. удалось интересно, легко и доступно решить основную задачу курса – ознакомить студента-франсиса с литературой, культурой, историей, общественной и социальной жизнью Франции и французского народа, что, несомненно, является достижением автора. Следует отметить логично подобранную тематику первых пяти уроков, которые посвящены общему представлению о Франции и ее столице. Интересно представлены главные достопримечательности Парижа: Эйфелева башня, Собор Нотр-Дам де Пари и Лувр как один из крупнейших и популярнейших музеев мира. Лингвистическая тайна французского языка раскрывается в теме «Языки Франции», где дается подробная информация о французском языке как о единственном официальном и самом распространенном языке Французской Республики, о его практической распространенности в европейских странах, а также о статусе коренных региональных языков и диалектов. Большую культурологическую и познавательную ценность представляет также урок о любимых традиционных праздниках французов. Темы следующих 11 уроков, сохраняя хронологическую последовательность, на изучаемом русском языке последовательно знакомят студентов с известными именами, делая очень привлекательными прославивших Францию исторических деятелей, писателей, ученых и исследователей от национального героя и полководца Жанны д'Арк и сказочника Шарля Перро до автора "Маленького принца" Антуана де Сент-Экзюпери и знаменитого океанографа и исследователя Мирового океана Жака-Ив Кусто.

Очевидно, что в предлагаемом учебнике знания по русскому языку, полученные в школьно-академическом курсе, углубляются и систематизируются на лексико-грамматическом и страноведческом материале. Лексические единицы, которые отрабатываются в разной семантической взаимосвязи, как и их стилистическая прикрепленность в различных контекстах и ситуациях, обогащают словарный запас обучающихся и расширяют рамки естественной коммуникации.

Следует отметить еще одно преимущество учебника А.В. Акопян, а именно: во всех темах-уроках даны упражнения по определенной грамматической теме, учитывающей особенности русского языка, отбор и систематизацию последовательности обучения, что объясняется некоторыми общими правилами и совпадениями в грамматиках русского и французского языков (например, категория рода, притяжательные прилагательные, согласование и т.д.). Это углубляет сравнительно-сопоставительный подход в изучении грамматических категорий разных языков. Несомненную ценность представляет также наглядный практический материал, оригинально представленный в последнем разделе учебника в виде 32 таблиц как свод грамматических правил русского языка, снабженный нужной для обучения дополнительной информацией для выполнения упражнений по определенной теме.

Одним из успешных нововведений учебника А.В. Акопян является также и то, что как названия текстов, так и наименования французских реалий, встречающиеся в них, снабжены соответствующими аналогами на французском языке.

Следует особо отметить, что эстетически учебник оформлен очень эффектно и безупречно: содержание и структура учебника дополнены и сопровождаются запоминающимися красочными иллюстрациями. Это, безусловно, улучшит восприятие получаемой в темах-уроках информации и ее воспроизведение на русском языке, поможет совершенствовать грамматические знания и усвоить систему ценностей во французской, русской и армянской культурах. Фактически, изучение приведенной в текстах, заданиях и упражнениях интересной информации, очень полезной для студентов отделений французского языка, может стать основой стимулирования и активизации речевой деятельности на русском языке.

Учебник является вполне удавшимся и будет очень полезным в процессе овладения русской речью и формирования коммуникативной компетенции студентов отделений французского языка вузов Армении: изучение интересной информации по страноведческим и культурологическим текстам, закрепляемой заданиями и упражнениями на русском языке, станет для студентов отделений французского языка хорошей стимуляцией в их речевой практике.

Отметим, что на страницах журнала «Русский язык в Армении» автор учебника д.ф.н. Акопян А.В. неоднократно публиковала статьи о теории и практике обучения РКИ, о структуре и содержании учебного материала на занятиях русского языка как иностранного в вузе, в том числе и обоснование построения данного учебника «Русский язык (для отделений французского языка вузов Армении)».

**ЕЩЕ РАЗ О ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМ
ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ**

И.Р. САРКИСЯН
ЕГУ им. В.Я. Брюсова

Иностранный язык сегодня является не просто частью культуры определенной нации. Владение иностранным языком является залогом успеха и будущей удачной карьеры студентов. Преподавателю важно знать новейшие методы преподавания иностранного языка, специальные учебные технологии и приемы, чтобы оптимально подобрать тот или иной метод преподавания в соответствии с уровнем знаний, потребностей, интересов студентов. Ведь методы обучения не являются какими-то простыми алгоритмизированными единицами, их рациональное и мотивированное использование на уроках иностранного языка требует креативного подхода со стороны преподавателя, ибо педагогика является наукой и искусством одновременно, поэтому и подход к выбору методов обучения должен основываться на творчестве педагога. Именно творческий подход стал ориентиром для автора учебника «Русский язык (для отделений французского языка вузов Армении)» доктора филологических наук Ануш Вагановны Акопян.

Рецензируемый учебник разработан для студентов отделений французского языка вузов Армении в ракурсе происходящего в настоящее время реформирования учебного процесса в вузах в соответствии с общеевропейскими требованиями к качеству образования: информатизация образовательного пространства, интеграционные процессы в современном образовании и пр.

Представляется совершенно очевидным, что в условиях реформирования высшей школы должны меняться также и образовательные технологии преподавания иностранных языков, должны разрабатываться новые учебники, отвечающие духу времени. Учебник «Русский язык (для отделений французского языка вузов Армении)» разработан автором в таком ракурсе, что не оставляет места для таких процессов, как зазубривание, бездумное заучивание текстов на иностранном (русском) языке, не имеющих практической ценности для будущей профессиональной деятельности студентов. Наоборот, на основе качественного, интересного и актуального учебного материала, представленного в рецензируемом труде, студенты могут быть подготовлены к сознательному использованию русского языка в дальнейшей жизни и работе.

Совершенно очевидно, что учебник является одним из базовых, фундаментальных компонентов учебного процесса, представляющий собой описание, презентацию и отработку всего содержания обучения на определенном этапе, а также обеспечивающим формирование умений и навыков в основных видах речевой деятельности, т.е. формирование коммуникативной компетенции. Поэтому его содержание должно реально отражать все злободневные

проблемы времени, а также быть доступным и интересным. Однако основным стержнем содержания учебника или учебно-методического пособия по русскому языку для вузов, на наш взгляд, должна стать неременная профессиональная ориентация языкового материала, обеспечивающая стабильную мотивацию учебного процесса. Все вышеперечисленное относится к рецензируемому учебнику А.В. Акопян “Русский язык (для отделений французского языка вузов Армении)”. На наш взгляд, это модернизированный учебник по русскому языку для вуза с очевидной профессиональной направленностью, соответствующий всем требованиям современного учебного процесса.

Рецензируемый материал адекватен запросам студентов, выбравшим своей специальностью французский язык, ибо он направлен на удовлетворение их жизненных потребностей и на формирование коммуникативной профессиональной компетенции по профилю избранной специальности, которая реализуется в различных видах речевой деятельности, связанной с восприятием и порождением речи. Информативный материал, содержащийся в учебнике, актуален, интересен, познавателен, имеет интеллектуальную и языковую ценность, а также включает определенное количество профессиональных терминов и терминологических сочетаний. Интересное содержание обучения дает возможность создать на уроке соответствующую эмоциональную обстановку, а одновременное задействование мыслительных и эмоциональных каналов при восприятии материала является очень важным условием не только для более прочного и сознательного усвоения знаний, но и для формирования убеждений, обеспечения единства воспитания и обучения.

Рецензируемый учебник является своеобразной энциклопедией о Франции: представлен в увлекательной форме достаточно интересный материал о стране изучаемого языка (литература, искусство, архитектура, история и пр.), реально создающий в сознании учащихся ее положительный образ, способствующий формированию стойкого мотивационного уровня.

Принципиальными положениями, которым следовал автор при создании учебника “Русский язык (для отделений французского языка вузов Армении)”, являются следующие:

- коммуникативно-ориентированное обучение с профессиональной направленностью;
- национально и поликультурно ориентированное обучение;
- интеллектуализация учебного процесса, подразумевающая развитие личности, основанное на познавательном интересе, который "выступает в качестве очень значительного мотива – внутреннего побуждения деятельности учащихся, и в этой роли его невозможно переоценить"¹;
- когнитивная психология, связанная с восприятием, переработкой, хранением и воспроизведением информации;

¹ Щукина Г.И. Актуальные вопросы формирования интереса в обучении. М.: Просвещение, 1984. С. 10.

- изменение отношения к обучаемому как к активному субъекту обучения, находящемуся в партнерских отношениях с обучающим;
- реализация личностно ориентированного подхода к обучаемому в учебном процессе;
- связь изучения иностранного (французского) языка с поведением человека в языке, с его когнитивно-коммуникативной деятельностью на этом языке, с его способностями, возможностями и умением найти определенную стратегию поведения для решения вербальных и невербальных задач в каждой возникающей ситуации.

Таким образом, в учебнике А.В. Акопян представлена принципиально новая система обучения русскому языку, требующая новых подходов к обучающимся, а также их (подходов) мотивационно-стратегической реализации в учебном процессе, что, несомненно, нашло реальное отражение в модели учебника “Русский язык (для отделений французского языка вузов Армении)”.

Особо хочется отметить раздел “Грамматика в таблицах”, в котором грамотно, лаконично и систематизированно представлен весь необходимый грамматический материал, на который имеются ссылки в соответствующих упражнениях. Нельзя не отметить прекрасное техническое оформление рецензируемого труда. Процесс обучения начинается уже с обложки книги, на которой представлена картина Клода Моне “Впечатление. Восходящее солнце”. Учебные материалы корректно и со вкусом иллюстрированы.

Все вышесказанное дает нам основание рекомендовать учебник доктора филологических наук Ануш Вагановны Акопян “Русский язык (для отделений французского языка вузов Армении)”, который может стать моделью для создания подобных профессионально-ориентированных материалов по русскому языку, к печати.

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ

УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ ЗЕМНОЙ ЧЕЛОВЕК СОЛНЕЧНЫЙ

Эмма Рафаеловна Арзуманян родилась в 1927-м году в Кировабаде АзССР, где и получила среднее образование. В 1945-м году поступила в Ереванский государственный университет на отделение русского языка и литературы филологического факультета, которое окончила в 1950-м. С февраля 1950-го года по август 1966-го преподавала в средней школе им. А.С. Пушкина г. Еревана. С 1952-го по 1954-й гг. была завучем школы.

В 1964-м году Эмма Рафаеловна начала преподавать русский язык в ЕГУ и прошла путь от преподавателя до доцента (с 1987-го г.) кафедры русского языка (ныне русского языкознания, типологии и теории коммуникации) факультета русского языка и литературы.

В 1956-м году Эмма Рафаеловна поступила в заочную аспирантуру по специальности “Русский язык” при кафедре русского языка отделения русского языка и литературы филологического факультета, которую окончила в 1959-м году. В 1985 году защитила диссертацию на тему “Проблемы семантической и словообразовательной эквивалентности научно-технических терминов (на материале русско-армянских терминологических словарей)”, получив ученую степень кандидата филологических наук. В 1989-м году ей было присвоено ученое звание доцента.

Эмма Рафаеловна стажировалась в МГУ им. М.В. Ломоносова (1973 г.), с января по май 1979-го года преподавала русский язык на краткосрочных курсах в Лондонском народном университете (Великобритания). 5 ноября 2007-го года Эмма Рафаеловна была награждена Золотой медалью ЕГУ.

Эмма Рафаеловна читала курсы: *Методика преподавания русского языка как иностранного, Русская фразеология, Теория и практика русской лексикографии, Язык специальности: лексикографические аспекты*, вела практические занятия по фонетике, лексикологии, орфографии и пунктуации на факультете русской филологии, преподавала практический русский, руководила курсовыми, выпускными, магистерскими работами, кандидатскими диссертациями.

Научные интересы Эммы Рафаеловны нашли отражение в статьях, в докладах на международных, региональных, межвузовских конференциях. Она долгие годы

была членом Совета факультета русской филологии, не раз бывала членом государственной экзаменационной комиссии, председателем предметной комиссии во время вступительных экзаменов.

Эмма Рафаеловна была специалистом высокого класса. Ее лекции и научные труды вызвали живой интерес как в студенческой аудитории, так и у коллег. Она обладала такими редкими качествами, как чувство долга, чувство высокой ответственности, принципиальности.

В кругу коллег Эмма Рафаеловна пользовалась истинной любовью и уважением за отношение к работе, за искренность, доброжелательность и отзывчивость.

27 сентября 2019-го года Эммы Рафаеловны не стало. Вечная и светлая память!

*Кафедра русского языкознания, типологии и теории коммуникации
факультета русской филологии Ереванского государственного университета*

ПАМЯТИ РУБИНЫ АНУШАВАНОВНЫ ТЕР-АРАКЕЛЯН

Ушла из жизни наша незабываемая коллега, кандидат филологических наук, доцент Рубина Анушавановна Тер-Аракелян.

Рубина Анушавановна прожила долгую жизнь, в которой важное место занимали ее научные исследования, связанные с русским языком и русистикой, со школьным и вузовским образованием.

В 1945 году она поступила на филологический факультет Ереванского государственного университета и окончила его в 1950 году.

Р.А. Тер-Аракелян относилась к блестящей плеяде русистов, связанных крепкими узами с лучшей из школ Еревана – школой имени А.С.Пушкина. Она сама была выпускницей этой школы, и показательно, что, будучи еще студенткой филологического факультета Ереванского государственного университета, была приглашена преподавать русский язык и русскую литературу в своей родной школе.

В 1961 году Рубина Анушавановна перешла на преподавательскую работу на кафедру русского языка Ереванского государственного университета, где и открылась новая страница ее жизни – преподавание в студенческой аудитории и научная деятельность.

В 1972 году она блестяще защитила кандидатскую диссертацию.

Рубина Анушавановна все годы работы на кафедре русского языка занималась научными изысканиями в области сопоставительного изучения русского и армянского языков, в частности, синтаксиса. Ее перу принадлежат монографии «Простое предложение в русском и армянском языках» (1982), «Предложение в тексте» (1987), многочисленные статьи, каждая из которых вызывала живой отклик.

В течение многих лет Р.А. Тер-Аракелян была Ученым секретарем факультета русской филологии.

В последние годы работы на факультете русской филологии Рубиной Анушавановной опубликован бесценный труд «Переводная грамматика». Эта книга исключительно полезна при работе в студенческой аудитории с двуязычными студентами и, как отметила автор в предисловии, «предназначена для студентов, магистрантов, аспирантов всех филологических специальностей, интересующихся проблемами контрастивной грамматики русского и армянского языков».

Велики заслуги Рубины Анушавановны и в создании школьных учебников и методических материалов. Придавая большое значение школьному образованию, она стала автором новых учебников по русскому языку для армянской школы. Ею были написаны учебник по русскому языку и литературе для 8 класса, для 9 класса основной школы, полный комплект учебников гуманитарного направления по русскому языку для 10-12 классов старшей школы (2010-2012 гг.), по которым учились и учатся в школах Армении.

Рубина Анушавановна была филологом от Бога, она всегда была на переднем крае филологической науки. Ее отличительными чертами были мудрость, отточенность мысли, постижение самых трудных особенностей и русского, и родного армянского языков. И была она всегда для всех Учителем, хорошо известна была ее благожелательность и готовность помогать советами своим молодым коллегам, интересоваться их успехами. Ее ученики-пушкинцы и выпускники факультета русской филологии, которые сами стали преподавателями, всегда обращались к ней за помощью.

За свой большой, неустанный труд в деле образования Рубина Анушавановна была награждена Почетной грамотой Министерства просвещения Арм. ССР (1962), а также памятной золотой медалью Ереванского государственного университета (2007).

Светлая память о нашей дорогой Рубине Анушавановне Тер-Аракелян никогда не изгладится из нашей памяти.

*Факультет русской филологии ЕГУ
Кафедра русского языкознания, типологии и теории коммуникации*

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>ЛИНГВИСТИКА</i>	
А.С. Акопян. Субстантивный компонент глагольно-именных конструкций как семантическое ядро предиката предложения	3
С.А. Тунян. Реализация в дипломатической речи митигативных тактик некоторыми пропозициональными частицами	9
<i>СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ</i>	
С.А. Будагян. Особенности глагольного словообразования в русском и армянском языках (сопоставительный анализ)	15
К.Г. Мурадян. Отражение антропоцентрической картины мира в категории числа	25
<i>ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ</i>	
Э.Ф. Шафранская. Дина Рубина: проза о любви	33
<i>МЕТОДИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ</i>	
В.В. Мадоян, С.З. Шейранян. Совершенствование речевой культуры студентов в процессе изучения русского языка.	51
И.А. Орехова, Д.С. Труханова. Основные методические принципы организации занятий по РКИ с целью повышению интереса к изучению русского языка	63
<i>КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ</i>	
А.М. Амирханян, Г.Г. Барикян, И.В. Приорова. Текст как культурологическая основа: о новом учебнике русского языка для вузов Армении.	72
И.Р. Саркисян. Еще раз о профессионально-ориентированном обучении русскому языку.	75
<i>ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ</i>	
Памяти Э.Р. Арзуманян	78
Памяти Р.А. Тер-Аракелян	79